

Юлия Чернявская

СИРОЖА

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В первом действии:

Сирожа Бабич, студент филфака, первокурсник, 18 лет.
 Динка, студентка третьего курса филфака, 20 лет.
 Максим, студент третьего курса филфака, 20 лет.
 Генка, студент третьего курса филфака, 20 лет.
 Миша, студент третьего курса матфака, 21 год.
 Дядя Петя, бывший партизан, ныне председатель колхоза, 56 лет.
 Алла Ивановна, вахтерша в общежитии.
 Сан Саныч, комендант общежития.
 Фарцовщик Игорь.
 Девушка.
 Вторая девушка.
 Милиционер.
 Ряженые.

Во втором действии:

Сергей Бабич, первый проректор университета, 50 лет.
 Дина, домохозяйка, 52 года
 Максим, бизнесмен, 52 года.
 Гена, доцент филфака, 52 года.
 Дядя Петя, 88 лет.
 Миша, бизнесмен, 53 года.
 Лея, жена Миши, 50 лет.
 Официанты.

Первое действие разворачивается с сентября 1980 года по март 1981 года в комнате студенческого общежития.

Второе (за исключением последней картины) – в июне 2012 года.

Примечание. Последняя картина второго действия происходит в марте 1981 года: в ней участвуют Сирожа, Динка, Максим и Алла Ивановна.

Примечание для переводчика: Студенты, кроме Сирожи, должны говорить на чистом белорусском языке. Он, Дядя Петя, Алла Ивановна, Комендант – на тряснянке. **Акцент в пьесе – предположительный, можно спокойно его менять, добавлять или сокращать элементы тряснянки.**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ КАРТИНА ПЕРВАЯ

1980-й год. Комната в общежитии. Над кроватью портрет Высоцкого. На кровати лежит Генка. Наигрывает «Кони привередливые» и пытается напевать под Высоцкого. За столом Динка и Миша. Сосредоточенно играет сам с собою в шахматы. На второй кровати спит Максим. Третья кровать Мишина. Четвертая кровать пуста: провисшая сетка, жалкий матрасик, такая же жалкая подушка. Над кроватью на стене трафаретная надпись «№ 6». Прим: герои пьесы – 4 темперамента: Генка – холерик, Максим – сангвиник, Миша – меланхолик, Сирож – флегматик.

Деталь для Генки: Кришнаиты носили четки из 108 бусин

Генка (*поет*). Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть... (*Прерывает себя*). Я же тогда эту песню на кладбище врубил... Эту самую! Помнишь, Дин?

Динка. Ага (*смотрит на Мишу*).

Генка явно ждет продолжения разговора. Разочаровавшись в ожиданиях, продолжает.

Генка. А как от ментов драпали, помнишь? Как на трансформаторную будку лезли. Ну, скажи, клево было... Помнишь? (*Пауза*). Эх... Ни фига ты не помнишь. Ни фи-га.

Динка. Помню. Жарко было. Цветы вяли на асфальте. И папа его... плакал... И он в гробу, маленький такой. Обиженный. Смерть – это ужасно обидно.

Генка. Ёлы-палы, да тысячу раз уже объяснял. А тебе хоть кол на голове теши. Не умер он: просто слился с Атманом. Нету смерти... Понимаешь, нету.

Динка. Есть.

Генка. (*Передразнивает*). Цветы, папа... Баба есть баба. Говорил тебе: медитируй – мигом просечешь...

Динка. Скучные они, твои медитации. Омм да аум... Харе да Кришна...

Миша. А что она должна просечь?

Генка. Кармическое событие. Народ провожал своего поэта. Миллион человек – и ни один не струсил, не побежал...

Динка. Мы бежали... И я. И ты. И много кто.

Генка (*не слыша*). Вот так и начинаются революции! Вот увидите; лет пять-шесть – и накроется совок. Как в семнадцатом. Но у нас быстрее рванет. Высоцкий – он ведь чья инкарнация?

Миша. Чья?

Генка. Христа... Будды. Кришны. Какая разница! Весь этот свиарник преобразил... Всем карму прочистил. Было быдло, стал народ... Вот увидите.

КАРТИНА ВТОРАЯ

С грохотом открывается дверь: появляется огромная перина, за ней с трудом можно угадать двух человек. Это дядька Пятро и Сирож.

Дядька (*из-под перины, зычно*). Добра здароўя, орлы-соколЫ! Где тут, значыцца, наше койко-место?

Генка. Вон, у стенки.

Сирожа. Меня тут к вам поселили. Сиргей.

Дядька. Скидай, Сиргей (*произносит «с» как «ш»*), пярынку (*замечает Динку*), кидай глаз на дзяўчынку.

Сирожа (*смущается*). Дядь Петь... (*объясняет*). Это он шутиць. Юмор у него такой.

Протягивает руку Мише.

Сиргей.

Тот не замечает, весь в шахматах. Дядька оглядывает комнату, видит портрет Высоцкого, подходит, смотрит...

Дядька (*с радостью узнавания*). Да гэта жэ... той, каторы... Сирожка, ты жа знаеш, как яго? (*Щелкает по портрету*).

Генка. Руки!

Дядька. Чаво?...

Генка. Руки уберите.

Дядька. Я ж ничыво. Я только паглядзець.

Генка. Глядеть -- глядите. А руками не трожьте.

Дядька. ... ну той, хрыпаты... как яго, Жаглоў... Только тут з валасами, глянь. И пры парадзе.

Сирожа. Высоцкий.

Дядька (*бурно радуется*). Точна! Высоцкий! Слыхали, а ён памёр нядаўно. А ведзь малады. Згарэў чалавек. На гарэлке быстро згараюць... И у нас у дярэуне тожа ... гэтых алкашэй... як грази... Адзін, як напьецца, дык з радзівам разговорвае. Радзіва: “Добрый вечер, дорогие товарищи”, а ён: “Ну, здароў, калі не шутіш”. Так да ночы и прагавараць. А с утра пахмелицца – и зноўку: «Добрае утра, калі не шуціш»... Но эта нічаво, бывае хужэ: вось други вып’е – і давай з бизуном за жонкай ганяцца. А она вискоча, верещит. Как гаварыцца, дура баба... (*смеется*).

Сирожа (*смотрит на Динку, ему неловко*). Дядя Петя...

Дядька Карочэ, не піце, хлопцы. Не піце! Водка – враг.

Сирожа. Дядь Петь... Ты это... на дизель опоздаешь.

Дядька. Ды не, Сирожа. Да дызеля яшчэ ого-го. У мяне час у часок, раз у разок. Чалавек – ён как государства. Яму без плану никуды. Во, засялилися. Пункт первый гатоў. Счас втары будзе. Даставай, Сирож, прадукты.

Вынимает из внутреннего кармана бутылку. Подходит к столу, аккуратно сдвигает книжки и Мишины шахматы. Ставит бутылку на стол.

Динка (*вертит в руках бутылку*). Угу. “Трезвость – норма жизни”.

Миша рассеянно продолжает играть. Сирожа тащит на стол колбасу, хлеб, огурцы.

Дядька. Чаво?

Динка. “Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять классового врага!” Не боитесь?

Дядька. А ты баявая... Баявая дзеўка. Люблю таких.

Максим (*просыпаясь*). Ух ты... Колбаской пахнет... Здравстье.

Сирожа (*протягивает руку*). Сиргей.

Максим (*не замечает его руки, шлепает к столу, разглядывает бутылку*).

Ооо! Продукт экзотик.

Сирожа. Я теперь... тут с вами... жить буду.

Максим (*вертит в руках бутылку*). Чистая... Прозрачная... Полный атас!

Дядька. Так наша ж, тузлоўская. Ну что, хлопцы ... и дзяўчаты, по маленькой?

Максим. Партия сказала: надо. Комсомол ответил: есть! (*С жадностью пьет*).

Дядька. Ну-ну. Поперед бацьки, выходзит... Ну, ничаго. Дзела маладое. Глядзи тольки, каб не як той Высоцкий. Ну, за студэнчэское таварышчэства! Каб на усе жыщцё яно с вами засталося. И каб у всех вас было сибирское здоровье, кавказское долголетие и советское счастье.

Генка. Ага... за Родину, за Сталина...

Дядька. А чым табе, малады чалавек, Родина насолила? Чым табе Сталин не паказауся?... Ну, перагибы. З кем не бывает. Затое при Сталине што было?

Говорят одновременно:

Генка. Лагеря.

Дядька. Парадак.

Сирожа (*умоляюще*). Дядь... Не надо!

Дядька. Радость была, жизни. Усе с песняй... Усе с надзеждой. Усе разам. Не тое, што цяпер: кожны у сваёй норачцы... Страна была. Родина. А глаўное – войну выиграла. Помню, у атрадзе пабеду отмечали: усе напилися, плакали, абдымалися... Напилися у дым, а никто не подрался. Победа!

Сирожа (*поясняя*). Дядя Петя – партизан.

Генка. Разная у нас с вами родина. И война разная.

Дядька (*дураковато*). А я думал, одна у нас родина... Эсэсэр. А война, и праўда, разная... У мяне кроў ды голад, а у цябе – Штирлиц у кине.

Сирожа. Дядь Петь, ну, не надо...

Дядька (*задумчиво*). Другия вы. Другия. Хаця... можа, я чаго и не разумею... Я ж не вучоны. Тружаник сяла. Как гаварыцца.

Сирожа. Дядя Петя – председатель колхоза...

Генка. (*Передразнивая*). Калхозник. Как гаварыцца...

Дядька (*меняет тон*). А ну встань, малады чалавек... Встань, я табе гавару.

Сирожа. Дядь, не надо...

Генка лениво встает.

Дядька. Вось и добра. Стой. И слухай. Я з таких, як ты, у атрадзе гаўно килами жау. И з цябе выжму. Яшчэ савецкая у нас уласць покуда. Фронтвикам у нас пакуль яшчэ почет... Табе вучыцца надаела? Так не будеш вучыцца. У войска пойдешь. Як усе... Ведаеш, куды ўсе счас идуць?

Генка стоит, остолбенев. Дядька внезапно смеется, легко тычет его в живот.

Вольна! Да пашуціў я, пашуціў. Не бойсь!

Сирожа. Дядя Петя, дизель...

Дядька. Во, бачыце. Саромеецца пельменник: некультурный у яго дзядзька. Ну, это ничога, ничога. И сапраўды, хто я? Калхозник. Так, Сирожка?

Сирожа (*с отчаянием*). Дядя Петя, ну зачем ты?

Максим. А давайте выпьем за наших сельских тружеников...

Дядька. А гэта вы ужо без мяне, мОладеж. И, праўда дизэль. А мне яшчэ хлеба трэ купиць. У нас у сяльпо не хлеб, а ваабшчэ не поймешь што.

Идет к двери, оборачивается.

Шчаслива аставацца. И вось што, мОладеж... прызджайце да нас. Тут недалёка. Усяго-то часок на электрычцы. Станция Тузлы. Я вам баньку стаплю, малачком угошчу, сальцам. Усе прыздажайце. И ты, баявая. И ты, любицель Высоцкага. И яурэйчыка бярыце. Усех! Усех!

Сирожа. (*В отчаянии*). Ребята, вы не обижайтесь, ладно? Дядя Петя, он не хотел ничего такого... ну, он простой ...

Генка. Заглохни! (*Берет гитару, ложится, наигрывает*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Там же, спустя несколько дней. В комнате Динка и Миша. Миша читает.

Динка. Миш, а Миш... А ты про что читаешь?

Миша. Тебе неинтересно.

Динка. Интересно! Миш, ну, я серьезно...

Миша. (*вздыхает, читает*). Остается открытым вопрос об описании рациональных отображений поверхностей типа КЗ, в то время как теорема Торелли дает полное описание самих поверхностей ... ну как, интересно?

Динка. Интересно.

Миша. ...рациональное отображение поверхностей определяет ортогональный морфизм (изогению) рациональных структур Ходжа... Интересно?

Динка. Очень. А что такое изогения?

Миша. А остальное все понятно?

Динка. Не все. Но интересно. Миш, а это алгебра или геометрия?

Миша (*изумленно*). Почему геометрия?

Динка. Ну, решетки... Решетка – это же фигура. Геометрическая...

Миша. *(вздыхает)*. Алгебра.

Утыкается в книжку.

Динка. А мне, правда, интересно! До ужаса. Мне вообще все на свете интересно. Люди. Собаки. Стихи. Музыка. Море... И алгебра. Твоя. И шахматы. Твои... *(Пауза)*. Миш, а ты любишь... *(запнулась)*.

Миша. Кого?

Пауза.

Динка *(испугалась того, что хотела сказать, переводит тему)*. Ты любишь собак?

Миша *(опешив)*. Что?

Динка. Ну, собак. Таких, четвероногих, с хвостами, они еще лают.

Миша. Четвероногих? С хвостами? Люблю. Кошек.

Динка. А стихи любишь?

Миша. Нет, наверно.

Динка. А море любишь?

Миша. Не знаю. Я плавать не умею.

Динка. Я тебя научу.

Миша. Но здесь же нет моря.

Динка. Ну, я-то есть. Это главное. Ты и я. А море... Море потом... *(Делает вид, что плывет, берет его за руку, некоторое время "плавают" вместе. Внезапно Миша отнимает руку, отходит на несколько шагов)*.

Миша. Не надо. Ты прости, Дин.

Динка. Ну и ладно! И плевать! *(Вызывающе)*. Знаешь, а ведь они все в меня влюблены. И Макс, и Генка, и даже этот... Си-ро-жа. И еще другие... Думаешь, у меня выбора нет? Что, не веришь?

Миша. Верю.

Динка. Есть у меня выбор! Вот они, все, тут...

Миша *(уязвленный)*. Ну и хорошо. Тогда... в чем дело?

Динка. ... а ты далеко. До тебя не дойти, не долететь... Особенный

Миша. Никакой я не особенный. Я обычный.

Динка. Ты даже ходишь, не как другие!

Миша. Это потому что я косолапый.

Динка. И сидишь иначе!

Миша. Это потому, что сутулый.

Динка. И говоришь, не так, как все!

Миша. Это потому, что молчу.

Динка. Нет! Просто ты – гений.

Миша *(изумленно)*. Ну что ты выдумала?

Динка. Ничего не выдумала. Это все знают... Ты гений, а я – дура. И по алгебре у меня тройка была. И в шахматы я не умею. Ну и ладно! Между прочим, из дур для гениев лучшие жены выходят!

Миша (*растерянно*). Дина...

Динка. А еще у тебя глаза красивые. И руки. И улыбка. Только ты редко улыбаешься. Я ловлю ее ловлю, твою улыбку.

Миша (*молчит, потом, собравшись с силами, говорит*). У тебя тоже красивые. А еще ты смелая. И веселая. В тебе столько жизни...

Динка. А толку?

Миша. Ты не понимаешь... Ты просто не знаешь...

Динка. Вот-вот! Ничего-то я не знаю, ничего не понимаю... А ты вон, может, Нобеля получишь. По своей алгебре. Или станешь чемпионом мира. По шахматам!

Миша. Да никем я не стану!

Динка. Станешь, станешь. Вы все станете. Кроме меня.

Миша. Почему это?

Динка. Потому что я, как раковина. Пустая. Знаешь, как в раковине пустота поет? Уууу.... А у вас у всех что-то свое. Вот ты – гений. Не спорь! У Генки всякое духовное. Че Гевара. Харе Кришна. Он не гений, конечно. Но талант. А Макс, он просто радуется. Каждому дню! Мигу каждому! Это ведь тоже талант – радоваться! А у меня только ты.

Пауза

Миша. Ты не пустая, Дин. Просто другая. Женщина.

Динка. (*удивлена*) Я – женщина? (*смущаясь*). Нет... я не...

Миша (*ему неловко*). Я не то имел в виду... Просто у женщин как-то все иначе... Теоретически.

Динка. А практически?

Пауза. Молчат, затаив дыхание.

Миша. Дина. Ты говорила, в шахматы не умеешь... Я могу научить. Хочешь?

Динка. Очень! (*Горячо*). Я знаю, конь ходит семеркой... И про е-два—е-четыре...

Миша расставляет фигуры. Далее они будут делать ходы и т.д. В силу незнакомства автора со спецификой игры © режиссеру и актерам предоставляется полная свобода. Придвигаются все ближе и ближе друг к другу. Некая замороженность, "рапидность", действия замедляются, ощущение зачарованности. Это не столько игра в шахматы, сколько танец.

Миша. А говорила: знаешь, как конь ходит... Смотри, как надо (*берет ее руку в свою, будто учит ребенка писать, и ее рукой делает ход*). Вот так и так.

Входит Сирожа. Миша отдергивает руку. Динка явно недовольна.

Сирожа (*громко и весело*). Наше вам с кисточкой.

Миша (*равнодушно*). Добрый вечер.

Сирожа включает кипятильник, снимает с форточки висящую авоську, стараясь не помешать, выгружает из нее кусок сала. Миша и Динка продолжают играть.

Миша. Ты серьезно подумала?

Динка. Неа.

Миша. А зря. Тогда я тебя так... и еще вот так...

Динка. Ой, а что это ты сделал?

Миша. Готово. Я тебя съел.

Динка. Ты? Меня? Съел?...

Смотрят друг на друга

Миша (*Динке*). В смысле тебе мат.

Сирожа. Чаю не хочаце?

Динка. Миш, а Миш. А давай еще разочек.

Сирожа (*подвигая к ним хлеб с салом*). Угощайтесь.

Динка. Не лезь, а?

Сирожа. Я просто хотел предложить. Бутерброд с салом. Не подумайте, не купленное – свое. Летась кабанчика забили, Кузю, хороший был кабанчик. Как собака, верный, ласковый.

Динка (*смотрит на него с отвращением*). Я не ем Кузю.

Сирожа. Ваабшчэ, что ли, сала не ешь?

Динка (*передразнивая*). Ваабшче.

Сирожа. (*к Мише*). Ты тоже... это... не ешь?

Миша. Почему? Ем.

Миша тянется к бутерброду.

Сирожа (*хватая его бутерброд и отодвигая в сторону*). Извиняюсь. Я забылся.

Миша. Не понял.

Сирожа. Так вашей же нации нельзя сало есци.

Миша берет бутерброд, ест.

Сирожа (*радостно*). Во как! А говорят, яўрэи сала не ядут. Не любят люди вашей нации. А за что? Непонятно. Ну чем ты хуже меня? Чернявый только. И нос, как у бусла ...

Миша давится бутербродом. Динка хлопает его по спине.

Так что с того? У меня вон заместо носа бульба, тоже не подарок... У всех свои недостатки, так ведь? У вашей нации, у нашей ...

Динка. Смени пластинку.

Сирожа. А что? У всякой нации плюса есть и минуса. *(Вдохновенно)* Вот за что к вам так? Должно, с войны. Ну, что не воевали вы... Да когда она была, та война? А зато вы умные... Вон и про Маркса говорят, что он тоже из ваших, слышал?

Динка. Заткнись!

Сирожа *(не слышит, разговорился)*. А что люди болтают, так люди, они же злые. Вот взять хаця бы дядь Петю моего. Он партизан... А брат его родный, дядька Павал – наоборот. Ему, как война началась, только шестнадцать исполнилось. Пришли немцы – хап яго – и ў полицаи! Так дядя Петя, брат родный, он с дядькой Павлом больше слова не молвил. Тридцать пять лет – ни единого слова. Как выпьет, так хватить за кол: пойду Пашку-фашиста бить. А ведь хороший он, дядь Петя... Добрый. И дядька Павал добрый... Во як бывае...

Миша откладывает бутерброд.

Миша. Твой дядька Павал моих бабушку с дедом в витебском гетто убил. И еще четырнадцать человек родни. Это кроме тех, кто на фронте погиб.

Динка вскрикивает, в ужасе прикрывает рот рукой.

Сирожа *(пугается)*. Он не убивал! Он и не был-то в Витебске! Он всю войну у нас в селе был!

Миша. Ну, не моих – так других убивал.

Сирожа. Да никого он не убивал! Он просто следил за порядком. И потом, он же искупил. Десять лет ... В Мордовии. Миша, я не то сказал? Миш...

Миша. Благодарю за угощение.

Ложится на кровать, закинув руки за голову. Пауза.

Динка. Миш, а давай еще в шахматы?

Миша молчит.

А может, ты мне еще считаешь? Про решетку. Про изогению. Мне интересно. Мне, правда, интересно! Миш!

Миша не отвечает. Динка отходит к окну.

Сирожа *(подходя к ней)*. Я это... Я чыго-то не то сказал, да?

Динка. Ты что, debil, «Сирожа»? Ты подонок или debil?

Сирожа. Дин... Ты чыго? Ребята, вы чыго? Я ж не хотел *(Пауза. Потом кричит)*. Я не подонок! Я debil! Дебил!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же комната. Несколько дней спустя. Сирожа и Генка. Сирожа пытается учить, Генка, сидя на кровати в позе лотос, тянет «Омммм».

Генка. Омम्म... .

Сирожа. Я извиняюсь, может, ты бы потише, а, Ген?

Генка. Омम्म...

Сирожа хватает книжки, идет к выходу. Генка замолкает. Сирожа возвращается. Раскрывает тетрадки.

Генка. Омम्म...

Сирожа. Мне готовиться надо...

Генка. Омम्म...

Сирожа. У меня завтра контрольная. Трудная.

Генка. Омम्म. А у меня душа. Бессмертная.

Сирожа. Извиняюсь ... Я вот тут хотел...

Генка. Не извиняюсь, а извини!

Сирожа. Извини. Я чаго хотел...

Генка. Не «чаго», а «что».

Сирожа. Я что спросить хотел. Ты чаго на меня дуешься? Можя, на дядь Петю обиделся? Так жа он со всеми такой! Чэсслово! И со мной тожа. Со мной и похуже яшчо бывае... Он рэзки, дядь Петя... Прасты, понимаешь? А так-то он харошы. У нас в колхозе все на нем держится. Он – если кому что надо – все достанет, все выбьет. Так что ты не думай...

Генка. А с чего ты взял, будто я про вас думаю? Я про вас и не думал думать. Вы мне неинтересны. Оба!

Сирожа (*растерянно*). Я извиняюсь...

Генка. Не «извиняюсь», «а извини».

Генка устраивается в позу лотос.

Сирожа. Ген, я извиняюсь, тойсть, извини... А почему мы неинцярэсныя?

Генка. А что в вас интересного?

Сирожа. Ну, люди же. Люди разныя. Тем и инцярэсныя.

Генка. Так вы ж не разные! Вы одинаковые! Два лаптя. Оба левые, оба серые. Но знаешь, где самый смех-то? В главном ты прав, Си-ро-жа. На таких, как вы, все здесь и держится. Весь этот (*широко разводит руки*) колхоз. Все тут для вас скроено... По вашей сопливой ноздре.

Входит Миша.

А что не по ноздре – так в лагерь, к стенке, в армию, в Афган!..

Сирожа. А что Афган? Ну, понятное дело, война: радости мало. Но рубежи-то крепить нужно? Бывает, и воевать приходится.

Генка. Ворваться в чужую страну. Убивать...

Сирожа. Исполнять интернациональный долг!

Генка. Долг, бля! Долг! Перед кем?! Весь мир заговняли! Страна в застенках, психиатрия карательная... Железный занавес... Мандельштама сгноили... Джинсов не купить! Совок болотный...

Сирожа. Я не знал, что...

Генка. Ааа... Про духов не знал, про цинки? Ну, конечно же, не знал! Вы, лапти, никогда ничего не знаете... Удобно вам не знать!

Сирожа. Я не знал, что бывают такие, как ты.

Генка. Так знай. Мы есть... И число наше все растет, растет, растет...

Сирожа. Ничего оно не растет.

Генка. Это почему еще?

Сирожа. Потому что хороших людей все равно больше.

Генка. Ах ты...

Генка кидается на Сирожу. Сирожа смотрит на него спокойно, стоит на месте.

Миша (*устало*). Гена, перестань.

Генка останавливается, сжимая кулаки. Пауза.

Генка. Только ради Мишки. Потому что Мишка – гений, а не скотобаза.

Сирожа. А ты трус.

Генка. Я – трус?

Вскакивает. Останавливается.

Да ладно... Руки еще о тебя марать (*Кричит*). Да от тебя же разит! Ты вообще моешься когда-никогда?.. Хоть раз в году?

Миша. Прекрати, Гена!

Сирожа. Чаго жа? Хай гаварыць – я послушаю.

Генка. Да, и запиши, чтоб ненароком не позабыть. Когда в ГБ стучать пойдешь!

Сирожа. Стучать я не пойду. Но запомню.

Генка. Ай-яй-яй! Запомнит он... Все вы, бля, злопамятные.

Сирожа. Я не злопамятный. Я долго помнящий.

Сирожа выходит.

Генка (*Мише*). Нет, ну ты слышал?

Миша. Это не мое дело.

Генка. Вот же... Козлина. Всю прану загадил...

Садится в позу лотос.

ОМММ...

Миша (*ложится, закидывает руки за голову. Говорит себе негромко*). Это не мое дело. Это все не мое дело.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спустя несколько недель. Та же комната в общежитии. Накрытый стол. В комнате Сирожа. Ходит вокруг стола. Потом сидит. Потом ложится на кровать. Встает. Внезапно подходит к столу, рывком срывает скатерть с посудой, едой. Все падает на пол. Сирожа ложится на кровать лицом к стене. Входит Максим.

Максим. Обана! Что это было? *(Понимает)*. Ёкалэмэнэ...

Подходит к Сироже. Подсаживается.

Серёг, ну задолбался я... забыл... извини, братан.

Сирожа *(не поворачиваясь)*. Все задолбались?

Максим. Ну... Мишка вон на английский ходит. С Крокодайлom у вас идейные разногласия. А Динка... у нее память девичья.

Сирожа. Харэ трындеть.

Максим. Ну харэ так харэ. Хочешь валяться в периоде полураспада... мордой к стенке – ради Бога. А мне на Паркет. *(Пауза, поглядывает на Сирожу, ожидая реакции. Не дожидается)* Ты хоть в курсе, what is Паркет, а?

Сирожа. Дискотека.

Максим. Ошибочка. Это не просто дискотека, это офигенная дискотека... Эй, Серега, а у меня идея! Айда со мной на Паркет! И пусть это будет мой скромный дар. *(Поет)*. Ко дню ваших именин...

Сирожа. Адчапись.

Максим. Была бы честь предложена. Нравится торчать здесь, как пень....

Сирожа *(садясь на кровати)*. А я и есть пень! Мудила... Колхозник! Это же, по-вашему, и не человек вовсе! Не человек я! Я вашего Мандельштампа угрохал. Я лагеря придумал! Самолично! Я революцию устроил! Персонально, бля! И знаешь что? Я рад! Потому что иначе вы бы главные здесь были! А сейчас – вон в общаге, моей вонью дышите. Глядишь, надышитесь, сами вонять начнете... Может, на людей похожи станете...

Максим *(бьет Сирожу по щеке)*. На!

Сирожа вскакивает, готов кинуться на Максима. Стук в дверь.

Сирожа. Да я тебе сичас... Рыло твое поганое... сичас я тебе начышчу...

Голос Аллы Ивановны. Откройте! Проверка.

Максим. Атас! Баба Гитлер! Сатисфакция – потом...

Сирожа. Чыго?

Максим. После начистишь рыло. Скатерть давай, черт...

Прячут скатерть под кровать. Входят Комендант с дежурной Аллой Ивановной.

Максим. Здравствуйте, Сан Саныч. Здравсьте, Алла Ивановна!

Комендант. Ну, здравствуй, Савицкий, коли не шутишь. И ты... как тебя?

Сирожа. Бабич.

Комендант. Да-да. Помню. Заходил до мяне твой дядька. Хороший человек. Герой-партизан. Посидели с ним... гэто... поговорили по рюмочке. А с чаго это ты какой-то трепанный?

Максим. Он ничего, Сан Саныч... Он это со сна.

Комендант. Ну и лады. *(Откашливается)*. В связи с годовщиной Великой Октябрьской сосиськой революции осуществляется проверка бытовых условий студенческой молодежи. Что мы имеем в номере 406? Студенты культурно проводят дОсуг. Пишите, Алла Ивановна. Это в плюсА. В комнате порядок. Хотя, если между нами, бардак. Пишите – порядок.

Алла Ивановна. Все же засрато, Сан Саныч.

Комендант. Ну засрато – не засрато, а так не напишешь. Тем больше – к празднику революции... Должен быть порядок. Даже если и бардак.

Сирожа кидается прибирать, подравнивать одеяла на кроватях.

Максим. Вот! А я все гадал, как бы это сформулировать-то... А вы – в точку. Засрато. И никаких гвоздей!...

Алла Ивановна. Чтoб не засрато было – убираться надо.

Максим. Как же вы правы... Верите ли, иногда лежу ночью, лежу и думаю: ну, не хватает тут чего-то... Женской руки, наверно.

Комендант *(включает и выключает свет, потом к раковине, пытается закрутить кран)*. Теперь минусА. Пункт первый. Электропроводная система дышит на ладан. Пункт второй. У крана течка. Облупка правой стенной поверхности помещения.

Максим. И не говорите! Просто жуть с этой облупкой! Думали даже долупить ее до конца. Ну, это уж так, фигурально, акт отчаяния...

Комендант. Тут, Савицкий, не отчаиваться надо. Тут надо руки к делу прикласть.

Алла Ивановна. Да какие тут руки, Сан Саныч... Руки-крюки...

Комендант. А пачьму? А патаму, что весь ум в книжки ушел... А ум, он у мыжчины не в книжках. Он где? У трудзе.

Алла Ивановна. Труд – всему голова.

Комендант. Карочэ, шкурить надо.

Максим. Шкурить?!

Комендант *(горячо)*. Но только после ошчэлачывания.

Алла Ивановна. Во-во! Не ошчелачив – да как шкурить? Так что, Сан Саныч, купоросику им подкинуть?

Комендант. Купоросику? Неее. Это ж если одним купоросику, другим купоросику – так чьго у нас выйдет в итоге?

Алла Ивановна. Чьго?

Комендант *(поднимает кверху палец)*. Бесхозяйственность. Расточыщельство. Головотяпство.

Комендант и Алла Ивановна выходят.

Максим. Фу, обошлось... *(Отскакивая)*. Эй-эй, ты, это, подальше. Понимаю, день рождения, исполнение желаний... вусмерть хочется рыло начистить, но, может, не надо? Мне мое рыло еще стодится... Мне с ним еще на Паркет.

Сирожа. Не, ты скажи, за что ты меня, а?

Максим. А что еще прикажешь делать? Истерику закатил, понимаешь... А получил в торец – вмиг в себя пришел. Терапевтический эффект на лицо. Интересно, у вас в Козлах все такие нежные, или нашей комнате особенно повезло?

Сирожа. В Тузлах.

Максим. Ну, в Тузлах, какая разница...

Пауза

Да ты не дуйся, Серый. Лучше давай дернем. В честь твоей тонкой природы. Где твоя тузловская? Ну, не жмоться! У тебя же есть. У тебя все всегда есть.

Сирожа. Так я же... *(указывает под кровать)*. Усё разбилася.

Максим. Эх ты... Такой банкет угрохал, дурила.

Вытаскивает скатерть из под кровати. ставят на стол уцелевшие тарелки, раскладывают остатки еды. Остальное оставляют на полу.

Ура! Целехонькая! У-у-у ти, хорошая моя... Не, Серега, правду бают аксакалы: Бог раздолбаев любит. Один только стакан раскокался ... Ну, ничего, обдуем, очистим... Мы – народ не брезгливый. Ну вот, готово. А теперь вопрос ребром. Твои намерения по поводу рыла – они еще как? Актуальны? Или усталый путник может забыться... за благородным ячменным напитком...

Сирожа. Он не ячменный, он жытнёвы.

Максим. Что ж... какой наш кайф – такой и лайф. Итак, за тебя, Сергей, как тебя по батюшке?

Пьют.

Сирожа. Сергеич. Только какой там батюшка...

Максим. Сбежал?

Сирожа. Сгорел. На мамкиных поминках ужрался, пошел в пуню, возьми да и сгори. Да ты не перажывай, давно это было. Я и не помню их – ни бацьки, ни мамки. У меня дядьки вместо. Дядь Петя – за батьку. Дядь Павал – за мамку. *(Резко)*. Оба колхозники, как я. Лапти.

Максим. Ну что ты опять в бутыль, а? Думаешь, мы здесь принцы крови? Вот у меня, например, батя – сварщик. Хороший мужик мой батя. Правда, бухает сильно. Но не как генкин. Генкин не просыхает. Генка всю жизнь от

папаши по соседям прятался... А Мишкин папаша – он не пьет, он хуже, инженер в проектно-институте на 120 рэ. И все мы – с периферии. Не из села. Но с периферии. На фоне здешних – колхоз колхозом. Дети общаг...

Сирожа. А Динка?

Максим. Э-э, нет. Динка – девочка непростая. Ты хоть в курсе, кто у нее папаша?

Сирожа. Откуда мне знать?

Максим. Слуга!

Сирожа. Какой слуга?

Максим. Эх ты, дитя полей. Папаша у нее – слуга народа. Она же в том самом доме живет, для слуг. Что у парка. Понял? Живет там, а зависает тут. С нашим колхозом. Ну не идиотка?

Сирожа. А чего такого? Может, нравится ей с народом.

Максим. Эх ты, невинное создание... С народом.... Они ж каста. На золоте едят, в шоколаде купаются. В Зимних дворцах свадьбы играют...

Сирожа. Что, правда, на золоте?

Максим. Может, на севрском фарфоре. Я не в курсе. Я у нее не был никогда. Не зовет – стесняется, понял? Не меня, голытьбу. Себя! Квартыры своей, ковров с хрустальями, цековского папаши. Другая бы на машине ездила с водилой. А у Динки нашей принципы...

Сирожа. Какие принципы?

Максим. Железные. Что папе кость в горле, – то ей и хорошо. То с хиппами крутилась: юбка до пят, фенечки. То самиздат, то тамиздат. То Харе Кришна... Мечется девушка.

Сирожа. Замуж ей пора.

Максим. Эх... Наивное ты создание, Серега... За кого? За Мишку? *(смеется)*. А может, за тебя?

Сирожа. Ты что?! Не! От меня ее с души воротит... А мне, знаешь, и не надо. Мне ничего от нее не надо. Что мне надо, оно и так есть.

Максим. А что есть?

Сирожа. Чтоб она была. Не со мной. Ваабшчэ. Это главное.

Дверь распахивается. Входят Комендант с Аллой Ивановной.

Максим *(перепуган. Но хорохорится)*. Сан Саныч! Алла Иванна! Какой сюрприз!

Комендант. Выпиваете?

Максим. Да где там! Мы по граммуле. День рожденья празднуем. Сирожи.

Комендант. Врете...

Сирожа. Могу паспорт показать...

Комендант. Ладно. Поверим для разнообразия. Так, Алла Ивановна?

Сирожа. Я извиняюсь. Может, по рюмочке, а? Я приглашаю.

Комендант. У меня ваабшчэ-то мероприятие. Личного порядка. Ну, разве что глоток.

Выпивают.

Так это кто ты, выходит? По гороскопу.

Сирожа. Скорпион.

Комендант. И как оно, созвездие-то? Неплохое?

Сирожа (*удивленно*). Да ничего, вроде.

Пауза.

Комендант. Вот что... Мы тут посоветовались и лично решили: выделим вам купоросику.

Максим. Вы? Лично? Выделите? Купоросику?

Комендант (*твердо*). Выделим. А пачыму? А патаму, что ошелачывать надо.

Максим. Так, может, еще рюмочку... за здоровье именинника?

Комендант. Алла Ивановна?

Алла Ивановна. Сан Саныч?

Комендант. Значит, так. За здоровье именинника. Чтоб был, в смысле, здоровый.

Пьют.

Ну так как он, той скорпион, хороший? В смысле – для жизни. Помогает?

Максим. А вам зачем?

Комендант. Это личное.

Алла Ивановна. Да скажите уж, Сан Саныч. Радость у него. Такая радость.

Комендант. Ну ладно... раз уж мы тут неформально, так сказать... У меня сегодня внучечка родилась! Анжелочка. Тоже, выходит, Скорпион. Счас вот пойду... может, в окошко покажут... Мероприятие у меня. Личного порядка. Ну, что, пора. Алла Ивановна?

Алла Ивановна. Пора, Сан Саныч...

Комендант и Алла Ивановна уходят за кулисы.

Максим (*роняя голову на стол*). Совет хочешь? Чтоб от тебя не воротило... Носки! Носки – это главное...

Засыпает.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Там же. Поздний вечер. В комнату врывается Генка. В руках сверток. За ним бочком входит Фарцовщик.

Максим. Ну что, есть?

Генка (*тоскливо*). Есть-то оно есть...

Максим. Понял. Сколько?

Фарцовщик. Сто сорок.

Максим. Ты ж говорил – стольник.

Генка. Это он ... Говорил сто и Ливайс, а принес – Вранглер за сто сорок.

Фарцовщик. Барон Вранглер. Четкие трузера.

Генка мечется на месте. Потом разворачивает сверток, вынимает оттуда джинсы, рассматривает.

Генка. А, может, это туфта? Может, фуфло. А, Макс? И строчка, вроде, желтая... Макс, зырь, ведь желтая же...

Максим. Да нет, оранжевая. И блю белл... Законные штаны... Стоп! А давай-ка их поставим...

Ставят джинсы посреди комнаты. Джинсы стоят.

Фарцовщик. Фирма.

Входит Миша. Спотыкается о джинсы. Они падают.

Максим. Поставь, как было.

Миша ставит джинсы.

Генка (*грустно*). Не гремят.

Миша. А что, должны?

Генка. Пуговица не гремит... Настоящие.

Максим. Да не мучься ты, примерь уж...

Генка (*со страхом*). А вдруг подойдут? Где я еще сорок возьму? Макс...

Максим. Что? А-а... Геныч. Я ж тебе утром все отдал. У меня полный голяк.

Генка. Епэрэсэтэ...

Миша. Так я не понял, какие проблемы?

Максим. Эх, Мишаня, небожитель. Всегда одна проблема, всегда одна.

Мани-мани-мани.

Миша. Деньги, в смысле?

Генка. Мишка, а может, у тебя есть?

Миша снимает с полки книгу, открывает, вынимает деньги.

Миша. Одиннадцать (*Копается в кармане*). Еще два. И копейки...

Максим. Мишатка-Мишатка, Божий человек. Оставь хоть на покушать...

Миша. Покушать? Ну, значит, одиннадцать рублей.

Протягивает деньги Генке. Генка берет.

Входит Сирожа. На плече его полотенце, волосы мокрые. Вешает две пары носков на батарею. Снимает со стула брюки, аккуратно раскладывает под матрасом, поднимает матрас, опять приглаживает брюки, укладывает матрас снова, неподвижно ложится сверху. Наблюдает возню с джинсами.

Макс. Уже легче. Двадцать девять осталось.

Сирожа (*в сторону*). Жить надо по средствам.

Генка. Тебя не спросили.

Сирожа. А спросил бы – может, я бы чыво и подсказал.

Фарцовщик. Да ты померь, померь...

Максим. Померь, Геныч. *(Сочувственно)*. Может, не подойдут еще.

Генка сбрасывает штаны, хватает джинсы, пытается надеть, джинсы не налезают.

Генка *(с разочарованием и облегчением)*. Ну вот...

Максим. Да кто ж так джины надевает? Майк, Серж, а ну сюда.

Вместе впихивают Генку в джинсы. Застегивают молнию. В джинсах Генка говорит и ходит с трудом.

Во. Сразу видно: свободный гражданин свободного Запада...

Генка пытается поднять ногу. Поднимает ее двумя руками. Сирожа смеется.

Ты чего?

Сирожа. Да на свободу твою люблюсь.

Генка рассматривает себя в зеркальце по частям, старается принимать разные позы.

Максим. Ну не красавЕц?

Фарцовщик. КрасавЕц-красавЕц. А теперь снимай. Ты ж не берешь. Растянешь – кто купит?

Генка. Облом...

Сирожа. А сколько надо?

Генка. Нисколько.

Сирожа. Дело хозяйское.

Максим. Двадцать девять. А что, есть?

Сирожа. Двадцать пять есть... Дать?

Генка *(после внутренних колебаний, мрачно)*. Ну, давай, если лишние.

Сирожа *(после паузы)*. Не лишние. Но могу. Дать?

Генка. Давай.

Сирожа медленно вынимает бумажник, достает оттуда деньги, протягивает, потом чуть-чуть отодвигает руку, опять протягивает. Генка берет деньги. Отдает Фарцовщику.

Фарцовщик. Еще четыре рваных.

Максим. Ну, четыре-то мы найдем. Когда последний срок?

Фарцовщик. Режете вы мою душу, чувачки. Ладно. Завтра в двенадцать – но это край.

Уходит. Генка сомнамбулически ходит по комнате, любуется собой в зеркальце... Грохот, как будто камешки бьют в стекло. Все, кроме Миши, подбегают к окну.

Максим. Во дает.

Сирожа. Что там?

Генка. Да Динка ненормальная. По лестнице прет пожарной.

Миша каменеет. Вообще волнуются все, но по-разному.

Сирожа (*кричит*). Она ж разобьется!

Миша. Замолчи!

Генка. Ни фига не разобьется. Она цепкая. Мы с ней когда от мусоров на будку забирались, трансформаторную...

Сирожа. От кого?

Генка. Да от бобиков...

Сирожа. Не понял.

Ждут.

Ну что? Что там?

Максим. Уже почти...

Генка (*с восхищением*). Вот ведь чокнутая...

Втаскивают Динку.

Максим. Опа... Ну, мать, ты даешь.

Динка. Ффу! Привет, Макс. Привет, Ген... ух ты, джинса хипповая!

Максим. Какими судьбами, Динчик?

Динка (*весело*). Да так, мимо пролетала... Привет, Миша.

Генка. Ну ты, мать, дала! Всех на уши подняла. Вон даже Мишка – и тот чуть с ума не съехал.

Миша хватает полотенце, выходит из комнаты.

Максим. А если как люди? Подождать, когда вахтерше пописать припрет...

Динка. Там баба Гитлер. Она не писает. Никогда.

Генка. У тебя четыре рубля есть?

Динка. Только рубль.

Генка. Давай.

Динка достает из кармана рубль, дает Генке. Генка ходит, разглядывает себя в зеркало, поглощен джинсами.

Максим. А обратно как?

Динка. А можно я у вас перекантуюсь?

Максим. Опять папаша чудит?

Генка. Не, Макс, строчка все же желтоватая...

Максим. (*Не обращая внимания на Генку*). А что это у тебя?

Динка. Что? (*Натягивает на щеку воротник свитера*).

Максим. Чем он тебя на этот раз приложил?

Динка. Ремнем. Пряжкой.

Сирожа вскакивает.

Сирожа. Холодненьким надо! Холодненьким...

Максим. Сука.

Динка. Ну, у него на работе там что-то...

Максим. А ты причем?

Динка. Я причем. Я всегда причем. Я не такая, как надо.

Сирожа. Ты такая!

Динка садится за стол. Опускает голову.

Динка. Он вообще-то неплохой. Он добрый... был. Я помню. Демонстрация, я на плечах у него сижу, высоко, выше всех на свете. И флажком машу. Красным. Он неплохой. Просто надеялся, наверно, что я удамся. А я взяла и не удалась...

Сирожа. Ты удалась! Ты очень удалась...

Динка. А может, он хочет, чтоб я так вот и сидела и махала. У него на плечах. Флажком.

Сирожа. Я... я бы тебя всю жизнь на руках носил!

Генка. Ребя! А пуговица гремит все-таки.

Динка (*опоминается*). Пуговица?

Максим. Да пошел ты, Крокодайл! Со своими штанами!

Генка (*ноет*). Да... а откуда я треху возьму?

Максим. Найду я тебе треху. А пока заткнись, понял?

Генка обиженно отходит, ложится спиной.

Динка. А Миша где?

Максим. В душ пошел.

Динка. Вот ведь. Я к нему летела, летела. Вот и прилетела... (*Смеется*). А он в душ пошел...

Сирожа. Так он придет скоро... Ты покуда отдохни, Дин. Ляж-полежи. Вон сюда можно, на мою... Ты не думай, она чистая. Только сегодня перестелил.

Динка. А ты?

Сирожа. А я на полу... Я ничего, привычный. К нам, знаешь, сколько летом наезжает. Двоюродные, троюродные, с города. Так я на сеновале...

Сирожа и Максим ложатся, отворачиваются, Динка снимает джинсы, свитер, остается в трусиках и лифчике. Входит Миша. Динка прикрывает грудь рукой. Потом отнимает руки от груди. Мгновение стоят, смотрят друг на друга. Потом Миша отворачивается, ложится одетым. Динка ложится тоже. Стук в дверь.

Голос Аллы Ивановны. Откройте! Проверка.

Максим. Опа.

Генка. А вот и Баба Гитлер.

Голос Аллы Ивановны. Проверка!

Динка вскакивает, пытается одеться, прикрывшись одеялом. Сирожа одним движением останавливает ее, срывается с места, исчезает в окне. Максим закрывает окно.

Голос Аллы Ивановны. Эй, вы! Чтобы мне было открыто. Сей секунд.

Динка накрывается с головой. Максим поднимает вещи с пола, сваливает их на стул, открывает дверь. Входит Алла Ивановна. Она в халате и тапках, волосы намотаны на бигуди и прикрыты газовой косынкой. Губы при этом ярко накрашены.

Максим. Добрый вечер, Алла Ивановна!

Алла Ивановна обходит комнату по периметру. Максим ходит за ней.

Доброе утро, Алла Ивановна.

Алла Ивановна нагибается, смотрит под столом, под кроватями.

Что вы ищете, Алла Ивановна?

Алла Ивановна. Где она? Прошмандовка эта ваша.

Постепенно приближается к кровати Сирожы. Максим изящно закрывает кровать своим телом.

Думала – не увижу. Не споймаю, думала... Уж сколько гоняла я ее отсюда... Так нет, все щемится. Медом ей у вас, видать, понамазано ...

Максим. Алла Ивановна. О ком вы, Алла Ивановна? Вас ввели в заблуждение, Алла Ивановна... *(Берет Аллу Ивановну под руку).*

Алла Ивановна. Это не я в заблуждении. Это она в заблуждении. А девушка соблюдать должна... Самой же потом хуже. Локти будет грызть. Кровавой слезой умоется. А то... Обтянется, как эта... И пошла жопой чесать...

Генка. Жопой? Чесать?

Алла Ивановна. Лучше уж одинокой. Чем так.

Максим. Тяжело одинокой...

Алла Ивановна. Тяжело – не тяжело. А женщина должна себя высоко несть. Я ведь про что огорчаюсь? Я про женственность огорчаюсь...

Максим. Именно! Женственность! Вот посмотришь старое кино. «Девчата»... Уй, какие там девчата, ёкалэмэнэ... Нету таких теперь. Платица в горошек, кудряшки... У вас есть кудряшки в горошек? Пардон, я хотел сказать: платице?

Алла Ивановна *(смеется, застенчиво машет ладошкой).* Не дуры галавы.

Максим. А что вы смеетесь? Вам бы пошло. В вас начало... женское, чистое, материнское в вас начало... Я объясню...

Уводит Аллу Ивановну к двери, выводит из комнаты.

(из-за двери). Все, все объясню.

Генка. Гений.

Максим возвращается, запирает дверь, распахивает окно.

Максим. Эй, ты живой там? Висишь?

Динка откидывает одеяло, бежит к окну. Миша и Генка смотрят на нее.

Голос Сирожы. Ну.

Максим высовывает руку, втягивает Сирожу.

Максим. Ну даешь, пионер-герой...

Сирожя. Да нормально все... Она крепкая вабшчэ-то, лестница...

Видит Динку. Замолкает. Максим накидывает на нее одеяло.

Максим (*подходит к генкиной кровати*). Держи. Вот твоя треха.

Генка. Уй... Макс. Неужели... у Бабы Гитлер? Ты, правда... ты гений, Макс.

Максим. Ей первой отдашь, понял? И не Гитлер она. Нормальная баба.

Все ложатся. Сирожя пристраивается на полу. Пауза.

Сирожя (*шепотом, Динке*). Ты не переживай. Знаешь, как Миша волновался, покудова ты лезла. Просто психовал... Я не вру. Я чэсно... Ты отдыхай покудова. А завтра все будет хорошо.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Там же. Новый год. Вечер.

У стола суетится Динка, раскладывая по тарелкам колбасу, пирожки, селедку. Входит Максим, в руке его авоська, в ней несколько бутылок водки.

Динка. А шампанское?

Максим (*вынимая бутылку из кармана пальто*). Обижаешь, начальник...

Динка. Полусладкое. Класс! (*Пауза*). Знаешь, Макс, я вот подумала... В 2000 мне будет 38. Представляешь, 38! Даже новому веку порадоваться не смогу!

Максим. Почему это?

Динка. Да какая радость в 38 лет! Макс, я так не хочу стариться!

Максим. Ты не состаришься, Дин.

Динка. Правда?

Максим. Честное пионерское! Слушай, Динка. А давай спляшем! Ведь праздник же, а, Дин... Праздник, он везде. Он во всем... (*поет Глория Гейнор, «I Will Survive» Танцуют*). В городе – сером, но прекрасном... В девушках без шапок – волосы по воротникам шубок струятся, а в глазах – ожидание счастья... Кто-то будет плакать ночью, но это неважно, ожидание важней, ожидание счастья... И мандарины выбросили на лотках – оранжевые на сером... Мандариновые корки на снегу – это же красота, Дин... И елка на площади: пахнет... А завтра деды морозы, сизые с похмелья, будут раздавать подарки. И маленькие уточки на большой реке...

Динка. Руку!

Максим. Пардон. Это я практикуюсь. Я сегодня девушек пригласил... Двух.

Динка. А двух-то зачем?

Максим. Чтоб наверняка.

Динка. Жестокий ты, Макс. Все вы, мальчишки, жестокие...

Динка зажигает хозяйственные свечи. Дверь открывается, появляется огромная елка. За ней – Сирожка. Ставят елку в центр комнаты. **Может быть, все надевают маски? И постепенно будут их снимать?**

Сирожка. Своя елка – не покупная. Мы с дядь Петей сами рубили. У нас в Тузлах отакой лес еловый! А боровиков, боровиков! Вот говорят: под елками грибы не растут. Врут. Просто искать лентяи. Вот осенью съездим все, я места покажу.

Максим хватает Динку и Сирожку за руку, начинают кружить вокруг елки.

Максим (*поет*).

Новый год настает
С Новым годом, с новым счастьем!
Время мчит нас вперед,
Старый год уже не властен.

Пусть кругом все поет
И цветут в улыбках лица.
Ведь на то и новый год,
Чтобы петь и веселиться.

Сирожка. Как хорошо, ребя? Ну, правда ведь, хорошо?

Входит Миша, его тоже затаскивают в круг, появляются Генка, две девушки... Все кружатся все быстрее, как в танце дервишей.

Динка. Миш, а Миш. А пойдем уточек покормим.

Миша (*вздыхает*). Уточек?

Динка. Они там на реке... Маленькие. А река большая. Замерзшая.

Миша вздыхает, шумно и обреченно.

Ладно. Проехали. Забудь.

Максим (*девушке, танцующей*). Праздник, Танюша, он во всем... В городе – сером, но прекрасном...

Девушка. Я – Оля. Таня – она.

Максим. Пардон... праздник, Оленька, он во всем. В девушках без шапок – волосы по воротникам шубок, струятся, а в глазах – ожидание счастья... Кто-то будет плакать ночью, но это неважно, ожидание важнее ...

Миша. Что проехали? Почему забыть?

Динка. А все забудь. Обрыдло. Вздохи эти твои. Будто я муха. Зеленая. противная. Летаю вокруг и жужжу...

Миша (*испуганно*). Почему муха?

Динка. ... а тебе отогнать лень.

Сирожа (*танцует один*). Но ведь хорошо же? Правда, хорошо!

Генка (*танцует со второй девушкой*). Вот Достоевский, он все предсказал. Читала «Бесов»? Пророческая книга.

Вторая девушка. Неа. Я же не ваша. Я с нархоза. Бухучет.

Генка. Бухучет? М-да.

Вторая девушка. Не, ты не думай, я тоже люблю. Стихи. Асадова Эдуарда. Пушкина, Александр Сергеича (*читает*).

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

Но вы, к моей несчастной доле

Хоть каплю жалости храня,

Вы не оставите меня.

Сирожа. Ну до чего ж оливье вкусное! Язык проглотишь...

Миша. Дин, ты не муха... Просто это вне... вне алгоритма...

Динка. А-а... В решетку не вписываюсь? В изогению? В шахматы? Ну и плевать! Не сильно-то и хотелось.

Миша. Не плевать! Дин, я не потому вздыхаю... я вздыхаю, когда не знаю, что сказать.

Динка. Ты все время вздыхаешь.

Миша. Я все время не знаю.

Максим. А завтра похмельные деды морозы, такие сизые... будут раздавать подарки. Слушай, Танюша...

Девушка. Я – Оля.

Максим. Ну, конечно же, Оля... Мое любимое имя! А давай я тебе подарю...

Девушка. Что?

Максим. Мою первую любовь. Больше – нечего.

Девушка. Ой, я даже не знаю...

Сирожа. Как хорошо, ребята!

Взрывает хлопушку, разлетается конфетти. Девушки с визгом разбегаются, все по углам. На сцене остаются Динка и Миша.

Миша. Дин... А ты б не могла... Повторить.

Динка. Что?

Миша. Про уточек. Я не буду вздыхать. Я готов уже.

Динка. Это, что, алгоритм и есть?

Миша кивает.

Горюшко ты мое. Ну ладно. Миш, пойдем покормим уточек.

Миша. Ночью?

Динка. Так новый год же.

Миша. Хорошо. Когда?

Динка. Ну вот попразднуем и пойдем. А после погуляем.

Миша. Ночью?

Динка. Так новый год же!

Миша. Хорошо. А потом?

Динка. Ты лимонный пирог любишь?

Миша. Наверно.

Динка. У меня дома есть. Мама испекла. Она испекла и в Москву уехала. И отец тоже. А пирог остался. Ты будешь пирог? Лимонный?

Миша молчит, смотрит на нее.

И что? Мне всегда теперь ... алгоритм придумывать?

Миша. *(После паузы)*. Всегда.

Сирожа. Ребята, до чего же хорошо!

Голос Брежнева *(см. <http://www.youtube.com/watch?v=Jd5VUpsVZAA>)*.

Здравствуйте, дорогие юные друзья, поздравляю всех вас с новым годом... Организация объединенных наций решила провозгласить наступающий год годом ребенка...

Генка. Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты...

Голос Брежнева. ... наш долг – постараться, чтобы дети всех народов не знали войн... Мы стремимся научить детей добру, дружбе... научить их жить по-добрососедски со всеми людьми, любой национальности и цвета кожи...

Начинают бить куранты. Все хватают стаканы... Внезапно гаснет свет, хрипит и замолкает радио. Последующее происходит в темноте, при свечах.

Максим. Ребятунки, дорогие вы мои, с новым годом! С новым 1981 годом *(Задумчиво, красуясь перед девушками)*! Он наступил, наступил... хоть и не дослушали мы курантов, и загадать желание никто не успел...

Динка. Я успела.

Сирожа. И я.

Максим. Ура!!!

Все хлопают, кроме мрачного Генки.

Итак, несмотря на то, что так трагически оборвалась речь нашего генерального секретаря... Желаю вам, чтобы всем было светло – хотя бы в душе...

Девушка. Ничего, так даже интересней. Темнота -- друг молодежи...

Вторая девушка. Главное, отопление не отключили... А то мы бы тут дуба дали. Говорю, как специалист.

Максим. Специалист?

Вторая девушка. Ага. Я на водоснабжении-канализации учусь.

Максим. Какая интересная профессия! Ну, ничего ... Разные бывают призвания! Короче, дерябнем. Вздрогнем. Поддадим. Пропустим. Хлобыснем. Дернем. Калдыкнем. Кирнем. Хряпнем. Заложим за галстук...

Девушки (хором). Отпад!

Максим. ... протащим рюмочку. Соорудим канделябру... Ну, мы, филолухи, тоже в чем-то специалисты... *(Все чокаются)*. А теперь – танцы!

Вторая девушка. А хотите, я вам пасадобль станцюю? Нас на бальных танцах учили...

Выходит на середину комнаты, начинает зажигательно танцевать со стулом.

Максим. Ну, водоснабжение! Ну, канализация! Ну, темперамент! Геныч, а Геныч! Может, махнемся? Это ж просто зашибись, как она пляшет...

Сирожа. Пляшет... Ой, дурак я, дурак! Это ж надо, забыўся! Сейчас у нас еще кто-то спляшет! Я шел, гляжу, на вахте письмо... Миша! *(Вынимает письмо, игриво размахивает им)*. Пляши!

Миша. Отдай.

Сирожа. Нет уж, ты попляши!

Возможна какая-то бестолковая беготня за письмом: Сирожа убегает, Миша пытается догнать.

А чего ты напрягся, а? От девушки? От девушки, от девушки!... Ну, Миш, ты чыго? Дин, ты чыго? Я жа пашуціў. Юмор у меня такой. Ни от какой ни девушки! Суровая бумага. Во, глянь что написано. Отдел виз и регистрации... И герб! Важный ты человек, Миша!

Миша. Отдай.

Сирожа отдает письмо. Миша стоит с письмом. Пауза.

Генка. Обана. Ты что это, на историческую родину намылился?

Максим. А я-то думаю, как-то все загадочно.

Динка (кричит). Миша!

Миша выбегает из комнаты. Девушки отходят в тень. Динка забивается в угол, садится на пол.

Все, все, все. Все нормально. Полный порядок.

Генка, Сирожа, Максим (хором). Динка!

Динка. (Кричит). Я сказала: полный порядок! Вы пили? И пейте себе... И отзыньте от меня! Все!

Максим делает попытку подойти к ней.

Максим. Динчик... Может, это еще не то, Динчик...

Генка. Да что не то... Молодец, Мишка! Вырвался на свободу...

Динка. Заткнись!

Сирожа. Я не хотел... Я, по правде, не хотел.

Динка. Вот что, Макс, ты мне капни... Нет, ты больше капни. Совсем капни, понял? *(Пьет)*. И отвали... Ага... Туда-туда. Подальше.

Миша на авансцене в телефонной будке.

Миша. Да, мам... И тебя тоже... Что? Ничего не простуженный. Нормальный у меня голос... Сервант? Ну, продала и продала, чего уж... Бабушкина память? Да какая тут память...

Динка встает, наливает стакан, пьет одним глотком.

Динка. А ничего! Тепленько... Качает-качает. Знаете, а я поняла... почему вы так любите... это... хлобыстнуть, дерябнуть, заложить за воротник. Вы тогда добрые становитесь...

Миша. ... даже не думай. И поташу. И на горбу. Это не твои, это мои книги...

Динка. А вот мне, знаете что, интересно. Почему он? Почему не вы? Почему не ты, Крокодайл? Это ж твоя мечта... голубая... розовая... диски-виски... джинсы... вот она, твоя духовность... пуговица гремит... Пуговица.

Миша. Ма, ты громче... Связь плохая...

Динка *(Сироже)*. Ну, ладно, с тобой ясно. Тебе и здесь хорошо, Си-ро-жа...

Миша. Мягкий узел? Да Бог с ним, с узлом...

Динка. А может, ты, Максик? Там ведь все иностранки... ты только представь, все бабы – иностранки...

Миша. Что? Ах, с углом? А мне послышалось – узлом. Связь плохая.

Динка. И хорошо. Я бы его все равно бросила.

Миша. Мам. Я вот что подумал. Что если бы вы сейчас, а я потом. Доучился бы. Полтора года всего... Почему это – забреют? И почему непременно туда?

Динка. А знаете, кого жальче всего? Уток... И пирог лимонный. Мама испекла. А сама уехала. И отец. Все уезжают... А утки остаются... И пирог черствеет. Вот я сейчас... встану и пойду... *(Встает, пошатываясь)*. Ну, кто со мной кормить уток? Кто пирога хочет, лимонного?

Миша. Что значит – не увидимся? Что значит – умрешь? Это шантаж... Ну, ладно. Все. Говорю же: я просто подумал... Теоретически.

Динка. Бойтесь? А зря! Я сегодня добрая... Я желание загадала. Я хлобыснула. Кирнула *(Напевает)*. "Сынегопад, сынегопад, если женщина про-осит..." Не хотите? *(Идет к двери, поворачивается)*. Да врите вы! Все хотите, все! Трусы! Сынки! Ну кто? В последний раз спрашиваю: кто?! Ну!

Генка встает, делает несколько шагов к Динке.

Как хорошо... Хорошо, что это ты, Крокодайл.

Генка. Почему?

Динка кладет ему голову на плечо.

Динка. Потому что ты хуже всех.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Март. Сирожа один в комнате. Выдавливает прыщ. Входит Максим.

Максим. Прихорашиваешься?

Сирожа (*пряча зеркальце*). А чыво, все уже?

Максим. Что – все?

Сирожа. Я хотел сказать, уехал Миша?

Максим. А получилось, будто бы умер. Хотя что-то в этом есть...

Сирожа. А она была... на вокзале?

Максим. Нет.

Вынимает бутылку, ставит на стол два стакана, наливает.

Сирожа. А чыво это мы без тоста? Нехорошо..

Максим. Помолчи-ка в тряпочку.

Сирожа. Не в настрое? Эх... я и сам... перажываю. Ну давай тогда попростому. Чтоб дорожка ему легла. Скатертью.

Пьют.

Хотя если с другой стороны... Нехорошо вышло. В смысле Родины... Ведь все ему дала, человека из него сделала...

Максим (*вскакивает*). Еханный бабай!... А я надеялся, ты хоть сегодня заткнешься....

Сирожа. Я ж ничыво...

Максим. Все! Амба! Я твоего говна во как наслушался. Помнишь комсомольское собрание? Помнишь-помнишь...

Сирожа. Ну, помню. А чыво, я неправду сказал?

Максим. Ну, ты даешь... Это что, не ты Мишку предателем обозвал?

Сирожа. Ну, было. Ну погарачыўся.

Максим. Погорячился! А кто его свиньей назвал?

Сирожа. Так это ж из басни. Михалкова Сергея.

Максим. Какая, на фиг, басня?

Сирожа. Свинья под дубом.

Максим. Ты, ты Мишку... предателем назвал! И свиньей.

Сирожа. Все называли, и я называл.

Максим. Я вот не называл почему-то. И Геныч тоже.

Сирожа. Ну, называть не называли, а руку за исключение поднимали. То-то и оно. Все люди. Всем жить надо.

Максим (*кричит*). Да ты... Ты сам-то понимаешь, что натворил, колхозник?

Сирожа. А что я натворил?

Максим (*выпивает из горлышка*). Жили, как жили. Весело жили. И тут, здравствуйте – явление Христа народу! За полгода вшивых – и никого не осталось! Где Мишка? Где Крокодайл? Где Динка, я тебя спрашиваю? Она же просто испарилась...

Сирожа. А я тут каким боком?

Максим. Вот именно! Такие всегда бочком, тихой сапой... Эх, говорил же мне Генка.

Сирожа. Интересного чыго гаварыў?

Максим. Что ты стукач! Дятел! Сволочь карьерная!

Сирожа. Ох и злющий он, Генка (*смеется*). А я не обижаюсь. Что он мне сделает...

Максим. Да уж. Ты ж у нас высоко метишь. В доме том жить хочешь?

Сирожа. Ты чего, совсем съехал? В каком еще доме?

Максим. В том самом! У парка. Говори, хочешь?

Пауза. Максим пьет.

(*тоскливо*). Прав был Генка. А я дурак, не верил...

Сирожа. И где он теперь, правый твой Генка? К призыву готовится?

Максим. Да, уж тут ты ловко подсуетился...

Сирожа. А я при чем?

Максим. Это ты-то не при чем?! Да когда же это было такое -- чтоб на четвертом курсе из универа поперли. Из-за вшивого зачета по физре... Курам на смех – по физре!...

Сирожа. Случается.

Максим. Ага, случается! Очень уж вовремя! Сразу после нового года. Да знаю я, знаю, что ты ответишь: совпало, мол.

Сирожа. Бывает, что совпадает.

Максим. Ну что, что ты про него наплел? Что Кришной увлекается?... Что травку курил? Что Солженицына читал? Что анекдоты травил? Что власть поливал? Может, ты вообще по ночам все записывал... когда сало свое под одеялом жрал?

Сирожа (*возмущенно*). Я не жрал. Я всегда делился!

Максим. Вот и поделился. Интересно: тебя попросили или ты сам настучал?

Сирожа. Никто меня не просил. Никому я не стучал.

Максим. Прав был Генка. Это я дурак. Думал, просто такой ты... незамысловатый. Без шестых чувств. Не дотумкал: шестых нет – так и никаких не будет... Ни первых, ни вторых... Теперь вот допер. Жаль, поздно.

Сирожа. Я не понял. Ты это про чыго ваабшчэ?

Максим. А ловко ты придурился... Пищом лез. Без мыла. В жопу. А как понял, что тебя и в жопу-то не пустят – так сразу...

Сирожа. Я старался... добрососедки... как человек.

Максим. Добрососедски, мать твою. (*Кричит*). А забреют Генку в Афган, а грохнут – тоже скажешь: совпало?

Сирожа. Война – дело такое...

Максим. Вот она, твоя философия... Еще скажи: жизнь, бля, прожить – не поле перейти... А Мишка с Динкой... Словил, главное, момент: только начало у них что-то прорасти, а тут – здарсьте – ты, безгрешный мудила...

Сирожа. На вранье ничего не прорастет.

Максим. Это тебе в твоих Козлах объяснили?... Да сами бы они разобрались! Без тебя. Но ты ж не можешь, чтоб без тебя. Все вокруг колхозное, все вокруг мое... И любовь... чужая – она тоже твоя, так?

Сирожа. Она не чужая.

Максим. Вот теперь ты не врешь! А то пургу гнал: одно, мол, надо. Только б она была. Не со мной. *(Передразнивает)*. Ваабшчэ... Все испортил, все изговнял...

Сирожа. Он сам все испортил.

Максим *(не слушая)*. Мы были семья. Понимаешь, ты, дятел?

Сирожа. Вы не семья. Вы общага.

Максим. Как пусто, стало, а? Как пусто... *(Гаснет, как это бывает у пьяных, внезапно)*. Ты да я, да мы с тобой. Хорошо сидим, да? Пьем-выпиваем. Хотя пить с тобою...

Сирожа. А ты не пей. Есьли противно.

Стук в дверь. Максим, шатаясь, идет открывать. Дверь приоткрыта, что за ней, зритель не видит.

Динка?

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Наши дни. Дачная терраса, от нее дверь в комнату и лесенка в сад. В сад сбоку из-за кулисы въезжает инвалидная коляска. В коляске сидит постаревший Дядя Петя. Везет ее немолодая женщина – Дина.

Дина. Вот здесь, в тенечке...

Дядя Петя мычит. Он не говорит, но на происходящее реагирует живо, Дина его понимает. Ее монологи-реакция на его слова, которые одна она и понимает.

Посмотреть хотите? Ну, хорошо-хорошо...

Подвозит коляску к террасе, Дядя Петя придирчиво осматривает накрытый стол, мычит.

Ну, кто ее будет пить, дядь Петя, Сережа виски любит... Генке все равно... А Максиму... ну вы знаете...

Сергей входит. Он подтянут, уверен, даже красив.

Хочет, чтоб тузловскую поставили...

Сергей. Зачем это?

Дина. Как память. О братстве. Студенческом.

Сергей. Ааа... Ну, лады. Пусть будет память... Пусть будет братство.

У него пищит мобильник. Он нарочито не обращает внимания.

Дина. Тебе кто-то пишет, Сережа.

Сергей. Так ставить тузловскую?

Дина. Ты прочти. Может, важное что.

Сергей. Опять завела... Пойду принесу тузловскую. *(Быстро уходит)*.

Дина. Может, и правда, важное. Может, ректор. Он во Франции, ректор...

Сережа за все-про все отдувается... Измотался. Ох... Кажется, едет кто-то.

Едет...

Входит Максим. Максим ведет себя так, как в юности: он легок, изящен, остроумен, модно одет, но лицо обрюзгшее, и подо всей его легкостью усталость.

Дина *(выдыхает)*. А, это ты...

Максим. Здравсьте, дядь Петя! Ну, как она, жизнь молодая?

Дина. Говорит, еще повоюем...

Максим. Узнаю дядю Петю. Молодцом! Что? Что он говорит?

Дина. Чтоб ты не орал, он прекрасно слышит. Спрашивает, как дела.

Максим. Дела? А что им сделается? Идут... Сын растет, дочка замужем уже, ребенка ждет. И я третьего жду. Так что кручусь, дедь Петя. Кушать-то им всем надо. И их мамам...

Дина. Он говорит, потаскун ты.

Максим. Я? Да что вы! Я порядочный человек. Я каждый раз женился. Как полюблю – так сразу и женюсь.

Поднимается на террасу, осматривает стол.

А где наша, тузловская?

Дина. Макс. Ты же...

Максим. Ну что ты, Динчик... Я так просто. Порадоваться. Разве ж это напиток? Это же символ. Юность. Общага наша, "четверка", "четверочка"...

Дядя Петя бурно радуется, кивает, мычит.

Вот.... дядь Петя, мудрый человек. Все понимает. Эх... Снесли "четверку"-то. Видела, что строят? Урода какого. Тюкнуло же кому-то в темечко.

Дина. Хорошо, что снесли. Хорошо, что строят.

Сергей *(входя)*. Какие люди!

Ставит на стол бутылку, обнимаются с Максимом.

Дина. *(Дяде Пете)* Что? А-а-а, да-да, сейчас-сейчас... *(Укатывает коляску)*.

Максим. Спать?

Сергей. Памперс поменять. Недержание...

Максим. А какой мужик был. Орел!

Сергей. Да он и счас хоть куда! Еще нас переживет. А секрет простой: гармония с природой. Труд. Свежий воздух. А главное – пил аккуратно. Не то, что некоторые (*шутливо тычет Максима в живот*). Кстати, может, по рюмашке?

Максим. Ты же знаешь. Я в завязке.

Сергей. А и точно! Забыл, голова садовая! Молоток ты, Макс. Вовремя одумался. Уважаю.

Максим. Поздно я одумался.

Сергей. Что так?

Максим. Сердце. Печень... и прочая фигня. Да ладно. Неинтересно это.

Сергей. И чего, не тянет? Совсем?

Максим. Ну, как тебе сказать...

Сергей. Так, может, если по чуть-чутьке...

Максим. Настя сказала, если я еще раз – уйдет. Она такая. Она уйдет...

Сергей. И правильно. Настя, она молодая. Будет она, как Динка, памперсы менять? Хренушки! Нынешние – они другие. Не душевные. Зато молодые! (*Хохочет*).

Пауза. Максиму явно не по себе. Нервничает.

Максим. Да где ж они?

Сергей. Не бойсь. Генка звонил, сказал: едут... Слышь, а давай по чуть-чуть. Пока суд да дело. Абсент хочешь? Я в Чехии прикупил... Зелененький. А как пахнет, пахнет! Мммм... Ах да, прости, забыл я...

Максим. Ничего.

Сергей. Силен ты. Я б не смог. Приду вон с работы... Открою бар... Думаю: кальвадосу? Текилы? Бурбона? Кальвадос лучше, когда настрой хреновый, бурбон – от усталости. А так-то я виски предпочитаю...

Максим (*перебивает*). Так что на работе?

Сергей. Нормалек. Обеспечиваем учебный процесс. Да что ты все бегаешь? Сядь, расслабься... Птички вон поют. Лес шумит.

Максим. Да, знаешь, что-то я, и правда, волнуюсь... Это ж не его увидеть: это себя увидеть... Через тридцать лет...

Сергей. Тридцать два.

Быстро входит Дина.

Дина. Подъезжают!

Сергей. Ну и хорошо. А чего вы млявые какие-то? Радоваться надо. А вы развели меланхолию... Иди-ка вон лучше, встречай, хозяйка.

Пауза. Дина стоит. Мычание откуда-то.

Дина (*с облегчением*). Дядя Петя зовет. Ты уж сам встреть, Сереженька. Хорошо? Я к дяде Пете. Я скоро. Я сейчас... (*Уходит*).

Сергей (*Максиму*). Смешные вы. Чуть что – так прямо ах. Проще надо быть. Проще. Радоваться надо. Жизни.

Уходит. Максим один. "Немая сцена". Подходит к столу, разглядывает надписи на бутылках, любовно переставляет их. Входят Сергей, Гена, Миша и Лея. Гена очень худ, нервозен. Миша спокоен, собран, лыс. Лея – полная, веселая, с пышными волосами, в черном мини-платье со стразами и декольте. Миша с Максимом обнимаются. Гена с Сергеем отходят в сторону переворачивают мясо, тихо разговаривают.

Максим (*растроган*). Мишка, Мишка...

Лея (*представляется, жмет руку*). Лея.

Максим. Ох, Мишаня... Такую красавицу оторвал – стоило ехать, стоило...

На этих словах появляется Дина с дядей Петей. Лея поочередно протягивает руку Дине, дяде Пете: когда видит, что он не может поднять руку, берет его руку и трясет.

Лея. Лея. Лея.

Дина. Дина.

Лея (*радостно*). Да, да! Ой, я помню. Мэни рассказывал. Мой Мэни, он все мне рассказывает.

Дина. Мэни?

Лея. Менахем. Да, знаю-знаю, ты ээ, его первая любовь (*Грозит пальчиком*). Нет, ты не думай, он не говорил, я сама поняла... Я все, что он думает, понимаю. Мэни, Мэни, а она красивая! Еш леха, лах ейнаим яфот. Я говорю, у тебя красивые глаза. (*Обнимает Дину*).

Максим. Это ты, что ли, Менахем?

Миша. Ну, практически.

Сергей (*Гене*). Ну куда ты льешь, черт, я ж просил: сбрызнуть. Сбрызнуть, а не залить...

Гена. Серег...

Сергей. Это же барашка. С барашкой так нельзя, с барашкой надо понежному... Как с девушкой... Это со свинкой можно, как с шалавой, но свинку они не едят, наверно...

Гена. Серег. Разговор есть.

Сергей. Какие проблемы? Есть – значит, поговорим.

Гена. Меня вызвал декан вчера, ты знаешь, наверно...

Сергей. Но не сейчас же, Геныч. Сейчас у нас барашка... А красивая у Мишки баба, скажи... Наши-то в полтинник – отработанный материал... А эти, евреечки, умеют...

Гена. Серега...

Дядя Петя мычит.

Лея (*дяде Пете*). Жарко тебе? Может... ээ... в тень. Ты, главное, держись, держись, гэвер.

Везет Дядю Петю в тень.

Сергей. Странная она все же... Дядь Пете тыкает...

Гена. В иврите "вы" не говорят. Только "ты".

Сергей. Так пусть у себя в Израиле и тыкает. А то некультурно получается.

Лея. Ты, главное, держись, бесэдер? Ты же крепкий гэвер. (*Дине*). Инсульт?

Дина. Да. Брат у него умер, дядя Павел, ну, а назавтра и он... вот... С горя.

Лея. Ох, царьот... ээ... беда. Я понимаю. Ты еще наших цоресов не знаешь.

Вот у Мэниной мамы тоже было переживание... Недавно похоронили ее.

Звонит мобильный телефон.

Дина. Тебе звонят.

Сергей не обращает внимания.

(*напряженно*). Возьми трубку. Может, важное.

Телефон звонит. Сергей не реагирует. Пауза.

Максим (*пытаясь разрядить обстановку*). Ну, и как там оно, на Земле Обетованной?

Миша. Да, как и всюду, наверно..

Максим. Ну, не скажи! Пустыня, бедуины, Мертвое море... А ведь тянет к родным березкам, а?

Миша. Да знаешь... Не слишком.

Лея. Мэник сразу решил: все, что было, – это, йаани... перекрученная страница...

Миша. Перевернутая.

Гена (*подходя к Дине*). Динок, на пару слов, а... (*отходят вместе*).

Лея. Ну, надо жить, беседер? Люди вон все едут-переезжают, столько черных у нас сейчас, эфиопские евреи... И ни для кого переезд – не слезы. Только для нас, для руси слезы. Мама моя плакала, плакала, все глаза проплакала, а теперь у нее полный ошер... счастье – и здоровье, и спорт, и путешествия... и меахев... мужчина у нее... как это, эээ, любовник ...

Максим. Сильна мама.

Гена. Дин... Я пытался тут с Серегой. Он не хочет. Поговори с ним, а? Ну, как ты умеешь, без нажима...

Дина. Прости. Не могу.

Гена. Почему это?

Дина. Не могу и все. Это ваши дела. Ваши.

Гена. Ну что ж... Спишем на ситьюэйшн. Психуешь? Понимаю: старая любовь не ржавеет.

Дина. Заткнись...

Гена. А Мишатка-то... сидит тихонечко. Голову в песок. Уютно ему, в песочке... И женку выбрал правильную... она его по песку-то и волочет... как Моисей по пустыне...

Дина. Какая ж ты сволочь, Крокодайл...

Гена. Да брось, Динок. Я ж любя. Дин. Ну, поговори с Серым... Что там с этим контрактом, а? Он же может еще, ну, я не знаю, открутить, отмотать назад? Ему ж это – раз плюнуть. А для меня – вопрос жизни...

Дина отходит к остальным.

... и смерти (*Вслед*). Дин, ну чего тебе стоит...

Лея (*продолжает тираду*). Мы, руси, все мешугИну... все сумасшедшие. Вот как мама моя... Плакала, плакала. Зато теперь у нее полный хаИм...

Сергей. Любовник, в смысле?

Лея. Нет, любовник – Аарон. Хаим – это жизнь.

Сергей. Вот это правильно! Надо жить настоящим. А что у нас настоящее... (*Торжествующе поднимает руки*) Барашка поспела!

Несут шашлык, все располагаются за столом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

За столом. Примечание: Гена старательно напивается.

Сергей (*поднимаясь*). Прошу внимания! Как хозяин этого скромного застолья, хочу произнести тост. За студенческое братство. За нашу дорогую общагу! За наш любимый университет, где я имею честь... И Гена вон тоже...

Гена. Недолго осталось.

Сергей. Все под Богом ходим. Итак, за то, что мы живы. За дружбу, за товарищество. Ну да, разное бывало... молодые были, глупые... Но главное, ребя, мы сохранили и через всю жизнь пронесли. Итак, предлагаю выпить за то, что мы вместе. (*Пьют*). Только вот Макс отбил... Но оно понятно: рыба, где глубже, ищет, а ему три семьи кормить. Три жены, детей двое с половиной...

Лея. А у нас четверо... Алончик, Нафтали и Давидик. Это мальчики...

Сергей. Так что Макс у нас в бизнесах...

Максим. Серег, ну, хватит, а? Неинтересно...

Лея. И маленькая, Авиталь... По-русски это "папина розинка"...

Сергей. Почему ж это неинтересно? Вот мне, например, интересно. И Мише интересно. Это ж столько лет... Столько зим, бляха-муха. Тридцать две, копеечка в копеечку. А я... как счас вижу: комнатка наша, за столом Макс, уже в зюю, тузовскую хлобыщет и стишата шпарит... Ёкалэмэнэ... А теперь – серьезный бизнес у человека. Унитазы... А что? Полезное дело.

Дина. Сереж...

Сергей. Ну вот, опять что-то не то сморозил. Строит меня Динка. Уж и жизнь, считай, позади, а она все меня воспитывает... Больше-то некого, не случилось у нас...

Дядя Петя мычит.

Чего это он?

Дина. Говорит, ты отвлекся.

Сергей. Да-да... Я к тому, что каждый нашел свое место в жизни... Макс с унитазами. Динка при хозяйстве. Я так, бумажки перекидываю. А вот Гена... Гена – большой человек, зубр нашего литературоведения...

Гена. Серый, не надо.

Сергей (*смеется*). Видишь, как был я "Серым" – так и остался. Скромный труженик...

Гена. Первый проректор.

Сергей. ... подписи ставлю... Подай-принеси, так сказать. Короче. За наше братство, благодаря которому мы стали тем, кто есть...

Лея. Мазлтов! Мэни, Мэни, какие у тебя хавэриМ! Какие хорошие хавэрим...

Сергей. Хавэрим?

Миша. Друзья.

Сергей. Вы мудрая женщина... Это редкое дело, чтобы мудрая и красивая. Чаше оно как? Либо то, либо то... Так и живут бедные мужики: добирают. Дома – мудрость, а за красотой налево пожалте...

Лея. У вас очень красивая жена. ЯфА!

Дина быстро берет со стола несколько тарелок, выходит.

Гена. Серж, там мясо горит.

Оба спускаются к мангалу. Переворачивают мясо...

Максим. А ты-то сам как, Мишаня? Наверно, профессор?

Лея. Ой, мой Мэни, он был профессор. Он же голова. У нас говорят "аидише коп"... еврейская голова. Мэни был профессор. Раньше. А теперь у него фирма. Софтвэа.

Максим. А мы думали: у тебя Нобель в кармане. Значит, побоку алгебра?

Миша. Ну, в некотором роде...

Максим. Разонравилась?

Лея. Ой нет. Что ты такое говоришь – разонравилась? Просто мой Мэни... он такой, он яшАр... ээ, порядочный... Когда у нас Нафтали родился, и Алончик был маленький, и у меня не было аводЫ!

Миша. Работы...

Лея. Так трудно было, так трудно, знаешь, мамонот... деньги...

Максим. Ну да, Маммона...

Лея. Ну вот, ты понимаешь. Ты же и сам. Унитазы – хороший бизнес. А сколько у тебя человек под началом? Вот у Мэни моего пять человек... Мой

брат, два племянника, жена одного, и еще друг брата... А тогда я, извиняюсь, трупов лишних купить было не на что...

Миша. Лея, не надо...

Лея. Да-да. Мы не любим вспоминать, это... ээ... перекрученная страница...

Дина входит с чистыми тарелками.

Зато теперь все беседер. Нам хватает. И деткам – Алончик уже работает, Нафтали в армии... Мы с Мэней считаем, главное в жизни – не мамонот. Главное –мишпохА. Семья. Детки.

Дина роняет тарелку. Дядя Петя мычит.

Что ты говоришь? Что он говорит?

Дина. Он говорит: к счастью.

У мангала.

Сергей. Поверни этот, да нет так, дурья ты башка.

Гена. Серый, я вчера говорил с деканом.

Сергей. И что с того? Я с ним каждый день говорю.

Гена. Он сказал: ты не продлил мне контракт.

Сергей. Ну, ты же знаешь, он все время говорит. Говорливый он (*Хохочет*).

Гена (*с надеждой*). Так ты... продлил, Серега, да? Ну, слава Богу! А я-то... дурень... почти поверил. Так он пургу, гнал, скотина... Главное: каждое лыко в строку – и что опоздал пару раз, и что курил в туалете... А как, как не закурить! Глянешь на нынешних студентов: не только закуришь – запьешь... Мы-то другие были – стремились, дерзали... Ну, и система образования другая была... Культурный контекст. Эх... Просрали мы и контекст, и систему... Вместе с великой державой...

Сергей молчит, Гена, чтобы заполнить паузу, все более убежденно и жарко говорит.

Между нами, ну какой он декан... Буквоед. Крыса канцелярская. А учебный процесс – ни тпру, ни ну. Тупость, серость, колхоз. Все же декан – это лицо факультета... Декан должен быть интеллектуалом. Либералом, если хочешь! У него полет должен быть, полет!

Сергей. Каждому свое, Ген. Ему должность, тебе вольный полет. Ты ж у нас свободный художник.

Гена. ... а то живем, как спящие царевны... Что? Что ты сказал?

Сергей. А что я сказал?

Гена. Ты сказал: вольный полет... Серж, так ты продлил?

Сергей. Геныч, ну ты что опять завел? Ты погляди лучше, какой денек. Миша приехал. Тебе же нравился Миша. Помнишь, как говорил: вот Мишка, дескать, гений, не то, что ты, лапоть (*Хохочет, хлопает Гену по плечу*).

Гена. Так ты продлил, Серый?

Сергей. Я-то Серый, я точно Серый. Потому и на лекции не опаздываю. В туалетах не курю. Приказов не критикую. Что дали – подписываю. Это потому что серый я. Не интеллеktуал. Не либерал. Серый.

Сергей берет готовый шашлык, идет к столу, на полпути оборачивается, отрицательно машет головой, смеется. Гена остается у мангала. Садится, руками закрывает голову.

(Кричит). Кушать подано!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Середина вечера. На сцене дядя Петя, Дина, Гена. Гена сильно пьян. Дядя Петя дремлет.

Гена. Ты знала, так? Ты все знала?

Дина. Знала.

Гена. И ничего не сделала...

Дина. А что я могла сделать?

Гена. Снять корону и попросить мужа...

Дина. Какая уж тут корона...

Гена. Да ладно! Уж передо мной бы не придуривалась. Я-то тебя другой помню. Во всех смыслах, видах и ракурсах... Ну что кривишься? Я тебе отказал тогда? Когда тебе было надо? Ты сказала: ну кто?! И я встал и пошел...

Дина. Героическая ты личность, Крокодайл...

Гена. Скажешь, мне было легко? Легко, когда тебя используют? Переспали – и вали, Гена, кулем из моей барской квартирki...

Дина. Не ори! Дядю Петю разбудишь.

Гена *(орет).* Какой, на хрен, дядя Петя!

Дина затыкает уши. Он отрывает ее руки от ушей.

Нет уж, ты послушай! Это ж из-за тебя я в Афгане два года... И ранило меня из-за тебя!

Дина. Отслужила я, Геночка, твой Афган... По полной программе.

Гена. А-а-а, напомнила наконец. А я знал, что напомнишь! Ждал. Сидел под твоим дятлом... Диссертацию ему ваял. Ему изваял – себе не успел.

Дина. Не бесплатно же! За деньги. На работу тебя взял. Квартиру выхлопотал. Он все для тебя сделал, все!

Гена. ... подачками его перебивался – и ждал, когда напомнишь о благодеяниях ваших великих...

Дина. Что ж ты брал подачки от дятла? Да Сережа для тебя в лепешку разбивался, по старой дружбе... Из верности!

Звонит телефон Сергея, лежащий на столе. Дина застывает. Гена хватается трубку.

Да, слушаю. Нет, не Буся... Буся в баньке... В баньке парится... *(Дине).*

Дина. Отдай!

Гена (*Дине*). Фиг тебе! (*Смеется*). Накосся-выкуси!

Могут быть попытки отнять телефон, какая-то беготня. Дядя Петя просыпается, пытается что-то сказать. Никто его не замечает. Входит Максим: обернут в полотенце. Дядя Петя мычит.

(*В трубку*). А, это? Это Бусина мадам. Рулит и зажигает... Не обращайтесь внимания, барышня, ей ничего не нравится...

Максим бросается к Гене, вырывает телефон, бьет его. Гена падает. Максим кладет телефон на стол. Телефон начинает истошно звонить. Дядя Петя мычит. Гена сидит на земле, вращает головой.

Гена. Ах ты! (*Пытается подняться, сжимает кулаки*).

Максим. Сиди!

Дина. Не надо было, Макс. Тут ничего нового... Я знаю. Давно уже знаю.

Дядя Петя сваливается с коляски, ползет.

Дядя Петя!

Дина бросается к Дяде Пете. Обнимает. Далее не Динины монологи, а их диалоги с Дядей Петей.

Ну что вы? Что? Ну, бывает... Ну, выпил человек, наговорил глупостей...

Максим ходит по сцене, подходит к столу, смотрит на бутылки, отходит. Гена ложится на землю, раскинув руки и ноги. Храпит. Дядя Петя мычит что-то.

Что-что? Сережа? Какой бес? А, да, я поняла, в ребро. Ну что ж тут поделать, дядь Петь... Что вы сказали? Жопа? А-а-а, молодая. Ну да, молодая жопа – это, конечно! С этим не поспоришь... Козел? Все козлы? Ну да, это большое утешение... Вы, главное, не волнуйтесь, дядя Петя, конечно, пройдет... Все проходит, дядя Петя. И молодость... И любовь... Наверно.

Максим. Не проходит, Дин. Все остается.

Дина (*Дяде Пете*). Дядь Петь.... Что? Плохо? Дядя Петя! Ну, прошу вас... не надо! У меня ведь никого, кроме вас! Вы же мой единственный друг, дядя Петя! Не смейте, дядя Петя, Не смейте! Сергей!

Вбегает Сергей в шортах на голое тело. Вслед за ним появляется Миша, тоже полуголый и Лея в бикини.

Сергей. Ёлы-палы...

Лея (*мгновенно оценив ситуацию, подбегает, щупает пульс, приоткрывает веко*). Труфаот несите, труфаот! Все его труфаот, какие есть.

Сергей. Труфаот?

Миша. Лекарства.

Сергей выходит.

Лея. Ничего, ничего... Все будет хэтэв. Йоффи. Ху ашуах, зот омерет, ашуах гэвер...

Дина (*Мише*). Что она говорит?

Миша. У него сильный организм. Он справится. Ты не волнуйся. Лея медсестра. Очень хорошая.

Сергей приносит лекарства. Лея делает укол.

Дина. Да. Она очень хорошая.

Сергей и Максим приносят покрывало, укладывают туда Дядю Петю, как на носилки, и под предводительством Леи уносят. На сцене спящий Гена, Миша и Дина (на другом конце сцены).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Речь Миши и Дины должна звучать эхом, эхом бывшего, эхом невысказанного, эхом друг друга.

Миша. Дин... Ты не бойся. Он поспит, и все будет хорошо.

Дина. Знаешь, а я верю. Что все будет хорошо. Может, потому что это ты говоришь...

Миша. Дин...

Дина. Что?

Миша. Я хочу сказать...

Дина. Скажи. Нет, лучше молчи... (*Пауза*). Я сильно постарела?

Миша. Нет. Как была. Ты, как была, Дин.

Дина (*пытается пошутить*). Чисто теоретически?

Миша. Практически тоже.

Дина. А ты изменился.

Миша. Облысел?

Дина. Облысел? Надо же... И правда. А я и не заметила.

Миша. Постарел?

Дина. Подобрел. Это все она... Лея. Она добрая. И ты с ней подобрел

Миша. Наверно.

Дина. Со мной ты совсем другой был... Хотя – какое со мной. Это я потом все напридумала... что ты был со мной хоть чуточку... Я тебя так боялась тогда. Никого не боялась, ничего – только тебя.

Миша. Меня? Почему?

Дина. Ты решетку помнишь? И изогению?

Миша (*виновато*). Не помню.

Дина. Ну вот... А как меня в шахматы учил?

Миша. А я учил?

Дина. Ничегошеньки ты не помнишь...

Миша. Я тебя помню.

Дина. Я изменилась? Нет, не отвечай, не надо. Знаешь, я же не всегда так... по хозяйству... Я работала. Преподавала. Даже кандидатскую защитила. А потом дом купили, Сережа и говорит: дому нужна хозяйка ... И дядя Петя как раз заболел... (*Пауза*) Смешно. Всю жизнь пытаюсь рассказать. В три

минуты... Ты только не подумай, я не жалуясь. Нет! Он ведь... Он хороший человек. В общем и целом. Ты же на него не обижаешься, правда?

Миша. За что?

Дина. Все забыл. Слава Богу! Я так рада. Я, правда, рада, что ты все забыл.

Миша. Не все. Я тебя помню.

Дина. Ох... Это хорошо, Миша. Ты помни. Я смелая была. Правда? И красивая... Была. Ты ту помни, ту...

Миша. Ты смелая. И красивая. Та и эта.

Дина. Ты люби меня хоть немножко... не сейчас, там, в прошлом. Я глупости говорю, да? Болтаю, болтаю... Может, это пространство заговариваю? Люди молятся, а я болтаю. От страха... Вдруг замолчу – и ты уйдешь. Как тогда.

Миша. А я молчу. От страха. Как тогда. Вдруг заговорю – и ты уйдешь.

Дина. Я не знала.

Миша. Теперь знаешь. Не плачь.

Дина. Я не плачу. Просто слезы текут... А так я не плачу.

Миша. Не надо. Я боюсь слез. Просто не знаю, что с ними делать.

Дина. Понимаешь... у меня будто две жизни. Одна... вот она, здесь. А вторая там где-то. Глубоко-глубоко, я ее и не вижу... И там – ты. Будто идем мы с тобой... По Минску. Или по Иерусалиму.

Миша. Я в Тель-Авиве живу.

Дина. Ну, может, мы просто туда поехали... На экскурсию. Или в гости. Ведь можем же мы поехать в гости? В той жизни?

Миша. Можем.

Дина. И вот они... Алон, Нафтали, Давид и Авиталь... Там они – мои. Они все – мои.

Обнимаются. Входят Сергей, Лея, Максим. Все уже одеты.

Сергей. Ну вот, все, вроде, откачали... *(Прерывается, смотрит на Мишу и Дину. Те разнимают руки, отходят).*

Лея *(очень бодро, Дине).* Ты не бойся. С ним все будет йОффи.

Дина. С кем?

Лея. С дядей. Ничего страшного. Просто спазма, как это... ээ... сосудов... *(Смотрит на Гену).* Теперь с этим вот надо решать, дай ему Бог здоровья... ЭлохИм адерим... Он же совсем шатуй. В зюзю.

Сергей. Делов-то! Сейчас погружу в машину, да увезу... И вас заодно в город подброшу.

Лея. Нет. Не так. Ты тоже шатуй... Я сама. Я хорошо вожу, правда, Мэни?

Миша. Да.

Лея. Вот Мэни, он плохо водит. Криво. У него мысль под другое заточена...

Сергей. Да уж. Видели мы, что у него заточено... Таки-заточено? Так ваши говорят, а, Мэни?

Миша. Наши так не говорят. Это ваши над нашими так смеются... Юмор у вас такой.

Сергей. Смеются? Что ж, смеяться полезно. А знаешь что? Давно хотел тебе сказать, только к слову не приходилось... Мой дядя Павал... ну, который полицаи... покойный мой дядя... Помнишь? Да знаю, знаю, что помнишь...

Миша. Лея, пойдем.

Лея. Пойдем, Мэничка. Вот только вы, мальчики, давайте-ка... этого шлимазля...

Максим и Миша поднимают Гену, несут, Лея командует: "На бок его больше, на бок, а то он... это..... заглотать может... свой ки... рвоту".

Сергей (*кричит вслед*). Мой дядя Павал... Он троих ваших в войну прятал. Троих! И все выжили! Слышишь ты, гений хренов! Все выжили, все!

Лея. Он слышит. Это хорошо, что прятал. И что выжили – хорошо. Йоффи.

Подходит к Дине, отводит ее в сторону. Дина напряженно, механически подчиняется. Сергей садится за стол, наливает, пьет.

Спасибо тебе.

Дина (*медленно, как во сне*). За что?

Пауза.

Лея. Думаешь, я тогда, вначале, не ревновала? Да не вначале. Тамид. Всегда. Ой, как я ревновала – перья летели! В голове летали. Лехан-улехан. Туда-сюда. Ты не думай, я Мэни не говорила...

Дина. Мише.

Лея. Бесэдер. Мише... Боялась, наговорю раз, наговорю два – так он возьмет и уйдет, и что ж я тогда буду делать? Как же я без него... Понимаешь?

Дина. Понимаю.

Лея. И детей уже родила. И что не уйдет он от нас знала. А все равно летали. Перья, мысли. Лехан-улехан. А сегодня увидела тебя... И поняла. Ты мне ахот.

Дина. Ахот?

Лея. Сестра. Ты мне сестра. По Мэни... По Мише. Может, если б не ты, он бы не научился так... к детям, ко мне. Так бы и сидел в своем шахмат. В своей альгЕбре.

Обнимает Дину, уходит.

Сергей. Ну что, взяла реванш? Теперь твоя душенька довольна?

Дина. Тебе Буся звонила. (*Выходит*).

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сергей один, пьет. Входит Максим.

Максим. Погрузили. Тяжелый, зараза. А Динка где?

Сергей. А хер ее знает... Должно быть, на боевом посту. Дядь Петя на койке, она в кресле, Штирлиц в видаке. Дядя Петя плюется, мол, хрень собачья... не так все было. Но смотрит. Ну что Макс, дернем на посошок? Текилы, а? В последнее время все текилу несут: папаши, мамыши... Раньше все больше виски. А до того коньяк. Меняется мода... Так давай ?

Максим. Не стоит.

Сергей. Скучный ты, Макс... До чего же вы тоскливые оказались, ребята, просто спасу нет... Один я – всегда веселый, всем довольный. Простое устройство! А вы натуры романтические, с порывами... Вот, скажи, ожидал ты от моей курицы? Что у нее в закромах заиграет. Срам.

Максим. Серег, ну, ты что? Это ж ничего такого. Это же просто... это молодая душа кричит. В увядающем теле.

Сергей. Во-во. И я про то. Мужик в пятьдесят – еще ого-го, а баба – отживший материал... Тетка. И нам с ними жить... Где справедливость, если по природе судить? Вот ты молоток. Постарела – бросил. Постарела – бросил *(смеется)*.

Максим. Мне просто не повезло.

Сергей. Аааа.... Думаешь, с ней бы тебе повезло? Ха! Не, как хозяйка она хорошая – слова не скажу. Дядь Петю опекает, как дитё... А чего не опекать? Инстинкт в жопу не заткнешь! Вот ведь ирония судьбы. У людей – продолжение... У тебя вон трое почти что. У Мишки четверо. Даже у Генки сын, пусть и дебил, в папашу. А у меня пердун этот старый...

Максим. Раньше ты его любил.

Сергей. Раньше он на человека был похож.

Максим. И сейчас похож.

Сергей. Придешь домой: он мычит, она молчит. На стол накроет, сядет вот так, руку в подбородок. Словно ждет чего-то. Ну чего, чего ей ждать, а?

Максим. Тоскливо ей...

Сергей. Мне, можно подумать, весело. Еще моду взяла: позвонят мне – сразу вскидывается. Кто, мол, и зачем?

Максим. А что? Нет поводов?

Сергей. Поводы, они всегда найдутся. Особенно в системе высшего образования... Сами в руки плывут, поводья...

Максим. Ты бы поаккуратнее... с поводьями. Развлекаешься – развлекайся. Только ее-то зачем – мордой об стол?

Сергей. Люблю я тебя, Макс. Вот ты, может, не в курсе – а люблю. Рыцарь ты без страха и упрека. Ланцелот. На белом кобыле... Кстати, рыцарь, а тогда, на новый год, ты чего клювом щелкал? Ведь было же – бери не хочу. Вон, Крокодайл употребил... А я так вообще, дурак, женился...

Максим. Давно было. Не помню...

Сергей. Все ты помнишь. Я знаешь что думаю? Западло тебе было чужое подбирать... Падалку. А я вот не побрезговал... Мы, колхозники, такие. Берем, что дают... Ты чего молчишь?

Максим. Слушаю.

Сергей. Ну, слушай-слушай... Вот что мне в вас не нравится, ребята – какие вы смиреннькие заделались. Тихонькие. Я ж вас с говном мешаю... Раньше бы ты мне в рожу дал. За себя, за Динку, за ваши, блин, принципы дурные... Чего молчишь? Возразить нечего?

Максим. Нечего ...

Сергей. Что?

Максим. Ты победил. Всех... Твое теперь время.

Сергей. Ну, ты чего, Макс? Я же так, я шутя...

Максим. А я серьезно. Твое время. А тогда наше было... Сколько надежд! Сколько сил! Весь мир в кармане. И казалось: так будет всегда...

Сергей. Вот оно как. А я молился тогда. Я ж деревенский: в Боженьку-то верил еще. Лягу и молюсь: Господи, только б не всегда так... Боже, да за что ж это мне? Хам, колхозник, дебил! Одетый не так, читаю не то, гавару хер знает как... Ведь это же ты меня таким сотворил! Зачем я тебе такой сдался? Зачем я сам себе такой, Господи?

Максим. Злопамятный ты.

Сергей. Не злопамятный – долгопомнящий.

Максим. А я-то думал: прошло у тебя.

Сергей. Выходит, не прошло. Постарались вы... Ладно. Проехали. *(Смеется)*. А то разнюнились... тое-сёе. Воспоминанья юных лет. Слышь, а у меня идея... Давай-ка вот за воспоминания! Чтобы помнилось только хорошее!

Максим. Я же не пью..

Сергей. Ну вот... Скучный ты, Макс. Потому и жизнь твоя скучная... И сколько ее осталось, жизни... Сколько радости? Чтобы себе отказывать, а?

Максим. Я не пью.

Сергей. Пьешь. Глазами. За каждым глотком следишь. И кадык дергается, будто сам глотаешь. Да ты весь стол глазами выжрал... Так какая разница, Макс? Может, силы появятся? Надежды, а? Не хочешь текилы? Так меня разное есть. Наполеон. Который Бонопарт. Бурбон. Который король.

Максим. Нет уж... Помирать – так с музыкой. Я уж тогда попросту... нашу, тузловскую...

Пьют.

Слышь, Серега. Серега, друг... Ты Динку-то, Динку...

Сергей. Да не грузись ты... Жива будет твоя Динка. Повезло ей, что я деревенский. Корни, устои. Хотя, черт его знает, что там теперь с корнями-устоями. Давненько я в Тузлах не бывал... Лет пять. Или восемь. Слышь... А давай за корни, за устои. За жен, которые блюдут.

Максим. Ты не понимаешь... это же так... память, юность.

Сергей. Что это я у вас ничего не понимаю. Куда ни кинься, ну ни-ча-во. Все я понимаю. Про память да про юность...

Максим. Фу... Отпустило. Знаешь, и в самом деле... будто гора с плеч...

Сергей. Я ж тебе говорил. А всего-то надо... хлобыснуть, дернуть, дерябнуть.

Максим. Кирнуть. Хряпнуть. Господи! (*В панике*). Что ж я делаю, Серега....

Залпом выпивает стакан.

Сергей. А знаешь, Макс, а ведь я тебя хуже всех ненавидел... Не Менахема. Не Крокодайла. Тебя.

Максим. Почему?

Сергей. Они тужились – пыжились. Строили из себя. А ты просто порхал. Парил... Чайка Джонатан Ливингстон. Помнишь, вы еще с ней все носились... "Почему труднее всего на свете заставить птицу поверить в то, что она свободна, ведь каждая птица может убедиться в этом сама?" Полетаем, а, Макс?

Тащит Максима за собой в странном танце, поднимает и опускает его руки, как бы заставляя полететь.

(*Кричит*). Ты не должен любить обезумевшую стаю птиц! Ты вовсе не должен воздавать любовью за ненависть и злобу. Ты должен видеть истинно добрую чайку в каждой из этих птиц и помочь им увидеть ту же чайку в них самих. Вот что я называю любовью.

Максим. Отпусти!

Сергей (*смеясь*). Гуси-гуси, га-га-га... Есть хотите? Да-да-да.

Входит Дина.

Дина. Уснул. Господи! Макс... Опять?! Ведь ты же Насте поклялся! Сергей, зачем? Зачем?

Сергей. Дин, будь проще! Давай полетаем.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Там же. Некоторое время спустя. Сергей. Входит Дина.

Сергей (*бытовым тоном*). Посадила?

Дина. Посадила.

Сергей. И таксисту сказала, чтобы до квартиры довел?

Дина. Сказала.

Сергей. Вот и ладушки. Ладушки-ладушки! Где были? У бабушки... А давай сыграем, Динчик... В ладушки... Не хочешь? Ну, пачимэ-э-э?

Дина. Клоун.

Сергей (*миролюбиво*). Не хочет она... Так, может, другого чего хочет?

Подходит к Дине, пытается обласкать. Дина вырывается, отходит в сторону.

Обана! И тут облом! Мишке, выходит, можно, а мне, выходит, нельзя... Вот потеха! Я вас сегодня увидел – чуть не уписался. Со смеху. Веселый я. Всегда в оптимизме. Всегда на подъеме.

Дина. Так это ты от оптимизма обиды копил, неуловимый мститель? Тридцать лет, Боже, тридцать лет... Какой-то бездарный спектакль....

Сергей. А я вообще бездарный . Незатейливый. Зато ты у нас тонкая натура. Все вы тут тонкие... плюнуть некуда. Слышь, а чего это: как тонкая натура – так сразу лузер, лох, утырок? А мы вот, незатейливые, держимся... И земля на нас держится... Чего молчишь? Чего овечью морду кривишь? Крыть нечем?

Дина. Ты нищего помнишь? Который у нашего магазина...

Сергей. А-а, бомжа? Да какой он нищий! Он побогаче нас с тобой будет!

Дина. Вот-вот. А я думаю: и пусть богаче. Пусть у него хоть горы золотые... А все равно нищий. Раз он просит, а мы нет. Раз ему надо, чтобы все видели, какой он... нищий.

Сергей. Не понял. Ты к чему это?

Дина. Я вот на твой бенефис смотрела-смотрела сегодня и все его вспоминала. Жалко его. И тебя жалко.

Сергей. Меня?! Да ты на себя глянь... На Генку, на Макса – унитазника. На Мишку, гения- хрения. И чего я с вами вожусь? Верный потому что.

Дина. Нищий потому что. Стоишь, просишь...

Сергей. Ты чего, съехала? Это я-то – прошу? Да когда мне от вас что надо было? Это вам, вам от меня – то одно, то другое, то третье!

Дина. Тебе надо, чтоб восхищались. Чтобы ненавидели. Завидовали. Ты же отражение: только в нас и живешь. А нет нас – так сразу и тебя нет. Сдулся.

Сергей. А ты сука...

Дина. Не хаами, Сережа. Ты глупо выглядишь, когда хаамишь. Тузлы Тузлами.

Сергей (*берет себя в руки*). Вот она – ты... Настоящая. Это ж надо – столько лет божьей коровой прикидывалась. А настоящая ты – сука. (*Кричит*). Сука!

Дина. Я не прикидывалась. Я выслуживала. Год за годом. Все тридцать два... Копеечка в копеечку.

Сергей. Ай-яй-яй... Страдалица. Хочешь брюлики – на тебе брюлики. Хочешь курорт, на тебе курорт. Хочешь дом – на тебе дом. Это ж не жизнь, это ж муки ада!

Дина. Муки ада... Проснешься в холодном поту: "Беда, беда. Вот уйдет Сережа. Как же я... Куда же я?". И весь день, ни с того, ни с сего: "Беда, беда". Зазвонит телефон – как ногой в живот. «Беда, беда». Знаешь, мне все время кошмар снится. Будто бы я подаю ужин, а ты из тарелки волос вынимаешь... А сегодня... Глядела я, глядела. На это твое... выступление показательное. На театр твой погорелый. И будто щелкнуло что-то... Думаю: ну, уйдет Сережа...

Сергей. И что?

Дина. И ничего... Понимаешь? Ни-че-го!

Шум подъезжающей машины. Музыка, входят два официанта в белых смокингах, ввозят на тележке огромный торт. Один с микрофоном, читает по бумажке.

Официант.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Официанты уходят. Свечи продолжают гореть до самого конца сцены.

Дина. Что это?

Сергей. Не видишь? Торт.

Дина. Откуда?

Сергей. От верблюда! Я заказал. Эх, досада, привезли поздно. Разъехались гости... не дождалась сладкого. Сервис, ёпть.

Дина встает, поворачивается к двери.

Баиньки захотелось? А я думал: посидим, побалакаем. По-семейному. Тортика покушаем.

Дина. Бусю пригласи. А мне пора. Мне еще собираться.

Сергей. В смысле?

Дина. До чего ж ты тупой, Сережа. В смысле вещей. Ты передай дядь Пете: я навещать его буду. Часто. Ну, вроде, и все. Что бы тебе еще сказать? Ведь должно было за тридцать лет... Должно было, а нечего.

Сергей. А-а, вот ты как заговорила? Ослица... буриданова!

Дина. Ослица – валаамова. Буриданов – осел.

Идет к двери. Сергей подходит к ней, зло хватается за плечо, вынимает из кармана бумажку, сует ей в лицо.

Дина. Отпусти! Отпусти меня! *(Пытается вырваться)*.

Сергей. Нет уж. Читай, дура. Читай, сволочь! Латынь учила на первом курсе? Буковка С и буковка R? Ничего не напоминает? Херово ты учила латынь!

Дина. Сережа! Этого не может быть, Сережа!

Сергей. Не может? *(Кричит)*. А вот и может! Может, черт бы тебя побрал!

Дина *(растеряно)*. А это? Это что?

Сергей. А это стадия, Диночка. Стадия!

Дина молчит. Сергей берет себя в руки, говорит спокойно.

Так что не к чему тебе... собираться. Потерпи месяц-другой. Все тебе отойдет... И Дядь Петя в нагрузку. Говорил же я, он всех переживет... Меня – так точно. Факт. Медицинский. Это к бабке не ходи...

Дина. Когда тебе?

Сергей. Помирать, что ли?

Дина. Ты что! Что ты такое... Когда тебе... ложиться?

Сергей. Завтра. Сегодня уже. Так что, как говорится, приказал вам долго жить... Можно сказать, благославил. Как умел.

Дина. И вот это все, что ты сегодня вытворял... это... это...

Сергей. Дела, Дина, надо доделывать. Вот такие у меня дела оказались... Я-то думал... будет еще что-то, за жизнь нарисуеться... А не нарисовалось... Только вы! Вы, проклятые! Так что права ты, на все сто.

Дина пытается его обнять, он отбивается.

Дина. Сережка...

Сергей. А-а-а, ласковая стала. Нечаянная радость, да? Дом, машина, гараж – все твое. Ты-то жить останешься. А я сгнию на хрен... Был Сергей Бабич, колхозник, – и нету...

Дина. Сережа... но лечат же, лечат... Сделают операцию...

Сергей. Хренацию! Неоперабельный я. Поняла?... Так что счастливо оставаться! Чух-чух-чух (*подражает шуму поезда*).

Пауза.

И вот ведь ирония судьбы. У них, мудаков, у всех продолжение... Кроме меня.

Дина. И меня.

Сергей (*не слышит*). Потеха, а? Вы-то все жить будете! Вы, которые жизнь свою просрали – будете! А я, который ее делал – по кирпичику, каждый день, каждый час – сдохну! Я уже сдыхаю... Справедливо это, я тебя спрашиваю?

Дина. Нет, Сережа.

Сергей. А вот и справедливо. Справедливо, Динка.

Дина. Почему?

Сергей. Дура, ты, Динка, слепая курица. Ведь тогда с Генкой – это же, и правда, я был! Я в первый отдел ходил. Я им рассказал. Все рассказал. Про самиздат, про Харе Кришна, про анекдоты! Что, не веришь?

Дина. Почему не верю? Может, я дура. Может, курица. Но не слепая.

Сергей. Так ты, выходит, знала?

Дина. Выходит, знала.

Сергей. Так, может, ты еще про что знала?

Дина. Это ты о письме мишином? Что ты раньше прочел, а на Новый год просто номер отмочил?... Ты про это, да?

Молчание.

Я видела его на вахте, письмо. За день до нового года. Все ходила кругами, ходила. Смотрела-смотрела... Хотела взять. И боялась. А потом оно раз – и исчезло. А потом – раз – и появилось. Ты его чайником отпаривал, да?

Сергей. Угу...

Динка. Я тоже хотела чайником. Смелости не хватило.

Сергей. Я как тогда думал? Вот свалят все они на хрен – и все изменится. Все, как надо, станет.

Дина. Стало?

Сергей. Нет. Должно было – а не стало. Как же ты меня тогда ненавидела, да, Динка?

Дина. Не помню. Давно это было, Сереж.

Сергей (*не слыша*). Я думал – их не будет, а я прежний останусь. Черта с два! Кто я? Имя-фамилия-должность. И злоба. Другие на 90% из воды, а я – из злобы. Ты не помнишь, я когда-нибудь другой был?

Дина. Помню. Ты славный был. Добрый. И надежный.

Сергей. А потом?

Дина. А потом я ждала.

Сергей. Чего?

Дина. Когда ты вернешься.

Сергей. А я не вернулся.

Дина (*одновременно*). Вот ты и вернулся.

Сергей. Локти небось кусаешь? Что со мной жила? Что не с ним?

Дина. Нет, Сережа. Он – это другая жизнь.

Сергей. А я?

Дина. А ты – моя.

Сергей. Динка ты Динка. Я же тоже каждое утро, в четыре утра... Будто тюкнул кто: "Беда, беда"... лежу и думаю... Что ничего не изменить. Что дела надо доделывать. Даже если не дела это, а паскудство. Что смерть – это обидно. Смерть – это страшно обидно, Динка... И каждый день так. Ровно в четыре утра. Дин, почему мы не спим вместе?

Дина. Ты не помнишь? Ты решил, что тебе в кабинете лучше.

Сергей. Мне не лучше! Мне не лучше в кабинете!

Дина. Ну, значит, будем вместе... Мы будем, Сережа. Все еще будет. Все.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Затемнение. Возвращение в март 1981 года. Молодые Максим и Сирожа.

Максим (*не слушая*). Мы были семья. Понимаешь, ты, дятел?

Сирожа. Вы не семья. Вы общага.

Максим. Как пусто, стало, а? Как пусто... Ты да я, да мы с тобой. Хорошо сидим, да? Пьем-выпиваем. Хотя пить с тобою...

Сирожа. А ты не пей. Ешьли противно.

Стук в дверь. Максим, шатаясь, идет открывать.

Динка?

Входит Динка. С ней Алла Ивановна. Поддерживает Динку за плечи. Ведет Динку к кровати, укладывает. Подтыкает одеяло.

Что? Что с тобой?

Алла Ивановна. А ведь говорила я, говорила... Да вам хоть кол на голове теши...

Максим. Динчик...

Алла Ивановна. Раньше надо было про Динчика думать. Да разве ж мужики думают... Да разве ж это вообще мужики?... А жэнщины? Разве ж это жэнщины? Да разве это жизнь ваще? Господи-боже ты мой! Вот умные вы, ученые, так знаете, может, зачем было Господа отменять? Кому он мешал, Господь? Был бы счас, как Ленин. Только Ленин помер, а Господь-то не помер бы. Смотрел бы за людьми, чтоб они как люди... А что, скажешь, люди это? Вон Соколов из триста четвертой... завчера приперся, сволота, на бровях, так нет лечь, как приличный, – хватъ огнетушитель – и пошел плюхать... Весь коридор заплюхал, сволочь. А вчера приходит один, я ему: "ДокУмент", а он мне: "Нету", а я ему: "Не положено"... А он мне: "Животное!"... Это ж кем надо быть? Чтобы человечьему созданию такое?... Сам он животное... Хоть и одет интеллигентно. В плащевую ткань.

Максим подходит к столу, наливает водки, выпивает залпом.

Эй! Ты куда это хлещешь, спрашиваю? Куда хлобыщешь, бесстыжий, при сотруднике общежития!...

Сирожа. Дин, ты как?

Алла Ивановна. Не видишь, что ли, как. Это шла я, значит, сюда, в общежитие. А она на скамейке сидит. Белая, что простыня... Я на вахту – глядь в окно, а она уж и легла. Ну ясно дело: куды ей такой – к мамке с папкой? На вас понадейся, так вот оно как выходит... Хотя б одного с вас на вертолет и без наркоза...

Максим стонет. Пьет из горлышка. Ложится на другую кровать.

Воеет он... А она молчит... Так кто сильный, спрашиваю, сильный кто пол? (Динке). Ты-то, как, дзеука? Не полегче?

Сирожа. Алла Ивановна, а чего делать-то надо?

Алла Ивановна. Да все уж сделано. Теперь только глядеть... Что не так – скорую. Счас градусник принесу – мерить будете. И трапок: ваты в аптеках не сыщешь... А ты вот что, дзяучо. Ты лежи. И не думай лишнего. Не одна

ты такая... У всех бывает. Бывает и проходит, и у тебя пройдет. А очуняшь – до меня приходи. Я тебе чаек заварю. У меня индийский. Со слонком.

Уходит.

Сирожа. Макс... Ты, что ли, спишь?... Макс, ты, правда, спишь? Помощничек, бляха-муха...

Динка садится на кровати.

Сирожа. Диночка... Ты чего села? Нельзя тебе. Ты ляжь. Ты ляжь, Диночка.

Динка. Я пойду.

Пытается встать.

Сирожа. Ты что? Куда ты?

Динка. Мне надо.

Сирожа. Я с тобой.

Динка. Тебе туда нельзя.

Сирожа. Я всюду пройду. Не веришь? Я такой. Незаметный.

Динка. Туда не пройдешь. Вас туда не пускают.

Сирожа. Это ты про чего... Про эту... больницу?

Динка. Да.

Сирожа. Ты там... это... забыла что?

Динка. Ты не поймешь.

Сирожа. Я все пойму. Я понятливый. Чэсно.

Динка. Я слышала... Как его туда, в бак... Хлюп – и все.

Динка встает.

Я забыла спросить.

Сирожа. Что?

Динка. Где их хоронят. Ведь их же хоронят, правда? Не может быть, чтобы просто так... Хлюп – и все.

Сирожа. Ты чаго? Конечно, хоронят. Стопудово.

Динка. Я ведь имею право знать. Я же его мать... была. Это я... я...

Оседает на пол. Кричит, затыкая рот рукой.

Сирожа. Нет. Это не ты. Это просто случилось.

Динка. Это я виновата...

Сирожа. Ну, виновата. И что с того? Все мы виноватые. Вот у кого другого случись – ты же простила бы? Ну? И себе прости... Всякое, бывает, случается. Вот и у нас случилось...

Динка. А если я .. больше никогда? Если у меня больше никогда не...

Сирожа. Ты что! Ты про это даже не думай... Медицина ого как шагнула. Даже рак лечат. А уж это...

Динка. Страшно, Сережа. До чего же страшно!

Сирожа. Это когда одной –страшно. А вдвоих – легче. Ты вот что... полежи покуда. Отдохнешь маленько – и пойдем. Все визнаем: где да что. И в церкву зайдем, свечку поставим... да, знаю я, неверующие вы тут, я и сам не особо... но свечка же не во вред? А ему, может, и польза. Кто знает? А покуда ляжь... Отдохни.

Динка ложится на кровать. Сирожа ложится на пол, протягивает ей руку. Она не сразу, но протягивает в ответ. Держатся за руки – она на кровати, он на полу.

Динка. Сереж, да что же это такое? Что же с нами будет?

Сирожа. Все будет, Дин. Все еще будет. Все.

Май-сентябрь 2012